Тачдаун

Автор:
Сола Рэйн

Тачдаун

Сола Рэйн

Рейнерские пираты #1

ХАНТЕР:

ОН – звезда футбола, университетский божок и высокомерный придурок, который смотрит на меня, как на трофей. Добавьте сюда обстоятельства нашего знакомства, и вы получите моего смертельного врага. Мы уже выбрали шаблон для наших отношений: он пытается затащить меня в постель, я – посылаю его к дьяволу. Какое-то время это работает. Но каждое его прикосновение подвергает мою волю серьезным испытаниям.

ЧЕЙЗ:

ОНА – катастрофа, которая разрушает все, к чему прикасается. Сумасшедшая. Упрямая. Стерва. Каждая наша встреча – настоящая игра на выживание. И как только я начинаю выигрывать, она меняет правила игры. Влюбиться в нее, все равно что выдернуть чеку из гранаты. С другой стороны, кто не любит опасности?

В книге присутствует нецензурная брань!

Сола Рэйн

Тачдаун

В тексте упоминаются социальные сети Facebook и/или Instagram (организации, запрещённые на территории РФ).

Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ.

Плейлист:

1. World's First Cinema – Make Me a Monster

2. MGK feat Ester Dean – Invincible

3. Zayde W?lf – El Capitan

4. Miley Cyrus – Mother's Daughter

5. Sia – Unstoppable

6. The Neighbourhood – Sweater Weather

7. Duncan Laurence – Arcade

8. Bishop Briggs – Dark Side

9. Ryland James – In My Head

10. UNSECRET feat. Neoni – Ignite

11. Bebe Rexha – Sabotage

12. Jaymes Young – Infinity

13. Ericdoa – sad4whattt

14. Zara Larsson – Ain't My Fault

15. Taylor Swift – Bad Blood

16. The Acid – Basic Instinct

17. Anna Naklab feat. Alle Farben & YouNotUs – Supergirl

18. Sam Tinnesz – Fight On

19. Lana Del Rey – Serial Killer

20. Hannah Hart & Nick Kingsley – You made a monster

Глава 1. Хантер

– О, да… Черт, да!

Бам. Бам. Бам.

– О МОЙ БОГ!

Я просыпаюсь в темноте. Лишь тусклое сияние уличного фонаря, которое просачивается сквозь неплотно задернутые занавески, слегка очерчивает контуры предметов в спальне. Приподнимаюсь на локтях и мутным взглядом смотрю на электронный будильник у кровати. Три долбаных часа ночи. Просто прекрасно.

– О боже, да! Вот так… – продолжает стонать за стеной моя мать, даже не пытаясь приглушить свои бесстыдные вопли.

В нашем небольшом одноуровневом доме в стиле ранчо стены настолько тонкие, что я отчетливо слышу каждый вздох, стон, шлепок или ритмичный скрип пружин ее кровати, которая стоит вплотную к моей стене.

Морщась от отвращения, я переворачиваюсь на живот и накрываю голову подушкой. Она пахнет лавандовым мылом и моим «Сладким как конфетка» парфюмом от Арианы Гранде[1 - Ариана Гранде-Бутера (англ. Ariana Grande-Butera) – американская певица, актриса, автор песен, музыкальный продюсер, обладательница премии «Грэмми».]. Легкий аромат маршмеллоу, смешанный с запахом свежих простыней, производит на меня успокаивающий эффект. Я закрываю глаза и начинаю понемногу расслабляться, пытаясь отвлечься от пошлых криков воспоминаниями о прерванном сне, в котором горячий как ад, Арон Пайпер[2 - Арон Пайпер или Пипер (исп. Aron Piper) – немецко-испанский актер, более известный по роли Андера Муньоса в подростковом испанском сериале «Элита».] приглашает меня поплавать с ним в бассейне…

Бам. Бам. Бам. Бам.

– Вот так… О-о-ох, черт!

«Скоро они заткнутся, – мысленно напоминаю я себе, сжимая пальцами края подушки. – Всего каких-то пятнадцать-двадцать минут и все закончится. Очередной безымянный любитель секса без обязательств опустошит свои яйца и свалит отсюда навсегда».

Они всегда уходят.

Это проклятье женщин Брэдшоу, цепочку которого запустил мой дед по маминой линии. Вшивый козел бросил мою бабушку, как только узнал о ее беременности, и трусливо сбежал в Лексингтон, штат Кентукки. Где, если верить Фейсбуку, живет и по сей день.

Через несколько лет после того, как он ушел, Маргарет Брэдшоу снова влюбилась. Это был обаятельный проходимец по имени Дерек, который обчистил ее до последнего цента, после чего в спешке покинул город, и больше она ничего о нем не слышала. С тех пор бабуля зареклась связываться с мужчинами и сейчас живет одна в небольшом рыбацком домике, в Ки-Уэст, где преподает математику в местной католической школе. И, кажется, она счастлива.

С мужчинами моей матери дела обстояли еще хуже.

Все началось с одного подлого мерзавца, который вскружил голову глупой пятнадцатилетней девчонке, а затем изнасиловал ее в грязной туалетной кабинке придорожного кафе и свалил на своем байке в закат, оставив ей напоследок миленький подарочек в виде меня. Полиции так и не удалось его разыскать. Наверное, гоняться за байкером – все равно, что ловить ветер.

К счастью, в то время моя бабуля уже являлась благочестивой прихожанкой католической церкви, порицающей любые аборты, и ей удалось найти подходящие слова для своей дочери, которые в итоге сохранили мне жизнь. После того как я родилась, мама заболела депрессией в тяжелой форме, и ей понадобилось длительное лечение. Поэтому первые пять лет жизни обо мне заботилась только Маргарет, которая была моим опекуном. Но вопреки всем этим ужасным обстоятельствам, я росла счастливым ребенком-сорванцом, окруженная безусловной любовью мамы и бабушки – самых сильных женщин, которых я знаю.

Когда Руби Брэдшоу выбралась из мрачного леса депрессии и попыталась проложить свой путь заново, ее коллекция мудаков пополнилась новым экземпляром. Парня звали Грэйди Уолш – двадцатичетырехлетний рок-музыкант из Айдахо. После двух лет их отношений мама поняла, что не желает больше терпеть его измены и непрерывные турне по Штатам, и выставила Уолша за дверь. Затем она еще несколько раз пыталась завязать серьезные отношения, но ничего хорошего из этого не вышло. Ей все время попадались настоящие засранцы, которые только и умели, что причинять боль да разочаровывать.

В итоге, как только я достигла совершеннолетия, мы с матерью заключили сделку: она оплачивает мне учебу в университете моей мечты, а я смиряюсь с тем, что в нашем доме время от времени будут ночевать ее одноразовые бойфренды. Потому что с недавних пор Руби исповедует «секс на одну ночь» как единственную правильную форму ее отношений с мужчинами.

Бам. Бам. Бам. Бам.

– Черт бы вас побрал! – гневно восклицаю я, глядя на светящийся циферблат электронных часов. – Сорок минут?! Этот чувак что, на виагре?

Наконец, темп стуков изголовья кровати о стену ускоряется, затем резко смолкает, и я снова проваливаюсь в сон.

Песня «Born For This» группы The Score вибрирует у меня под кожей, пока я вожусь с новым кулером. Мама запретила мне есть и пить перед съемкой, которая состоится уже через пару часов, но мне плевать. Во-первых, «Испытай мои нервы на прочность» – наша любимая семейная игра, а во-вторых, после изнурительной утренней пробежки я просто умираю от жажды.

За спиной раздаются тяжелые шаги, и в следующее мгновение я наблюдаю за тем, как какой-то незнакомый чувак в одних белых боксерах «Кельвин Кляйн», туго обтягивающих первоклассную задницу, шарит по нашей гостиной в поисках своего тряпья.

– Могу я теперь называть тебя папочкой? – насмешливо окликаю его я.

Мужчина поворачивает голову и встречается со мной взглядом. Мои глаза округляются, потому что он выглядит чертовски молодо – лет на двадцать, может, чуть старше. И это определенно тот тип парней, от которых я предпочитаю держаться подальше. Ну, знаете, такие вот сексуальные красавчики, привыкшие к обожанию, живущие по привычному трахни-и-забудь сценарию и думающие, что мир вращается только вокруг них одних.

Черты его лица мягкие, но выразительные: мужественный гладковыбритый подбородок, с такой же ямочкой, как у меня, полные губы, густые брови и уверенный взгляд темных глаз с неприлично длинными для мужчины угольно-черными ресницами. Не будь у него на лбу огромной таблички с надписью: «прошлой ночью я трахнул твою маму», я бы причислила его внешность к произведениям искусства.

– Где мои джинсы? – звучит низкий, глубокий голос, рокочущий, как гром.

– Где-то между испорченным тако и пустой консервной банкой из-под тунца, – усмехаюсь я, скрещивая руки на груди.

Парень медленно подходит ближе, и его мускулистое тело размером с внедорожник отбрасывает тень на мое эго. Я моментально напрягаюсь, стараясь вспомнить, с какой стороны лежат в ящике ножи.

Проклятье, какой же он высокий.

При своем довольно немалом росте в сто семьдесят пять сантиметров я едва достаю ему до подбородка.

Остановившись в шаге от меня, Мистер Сексуальная Выносливость сжимает зубы и раздраженно проводит рукой по густым темно-каштановым волосам, в которых виднеются выгоревшие на солнце пряди. Я успеваю заметить небольшую татуировку на внутренней стороне его предплечья – пиратский флаг.

– Ты выбросила мою одежду?

– Ты имеешь в виду тот безвкусный мусор, который ты разбросал по моему дому, как Гензель хлебные крошки?

Его нахальный взгляд скользит по моему телу, каждый открытый дюйм которого блестит от пота после бега, и задерживается на длинных, обтянутых шортами ногах.

– Скажи, быть сукой – это твое обычное состояние или ты просто завидуешь своей сестренке, которую хорошенько оттрахали этой ночью?

Я чувствую неприятное жжение в желудке.

Мне хорошо знакомо это ощущение.

Так зарождается ненависть.

– Руби мне не сестренка, тупой ты лосяра. Она моя мать.

Выражение его лица бесценно. Наслаждаясь каждой вертикальной морщинкой, собирающейся на его переносице, я подношу к губам стакан с водой и делаю несколько глотков, позволяя прохладной жидкости ослабить скопившееся в теле

напряжение.

Моей маме тридцать пять, но в ее случае возраст – это просто число. Руби выглядит жарче «ангелов» Виктории Сикрет, а вышибалы в ночных клубах до сих пор требуют ее удостоверение. Не удивлюсь, если она заключила сделку с самим Сатаной, завещав ему свою душу в обмен на вечную молодость. Но в тайне надеюсь, что это какой-нибудь ген антистарения, вроде того, что есть у Джей Ло или Джареда Лето, который передался и мне.

– Мать? – тупо переспрашивает качок.

В этот момент со стороны боковой двери, ведущей из кухни в гараж, раздается тихий сигнал мобильного телефона, и парень облегченно вздыхает, теряя всякий интерес к нашему разговору. Он бесцеремонно проносится мимо меня и сбегает по ступеням в гараж, откуда спустя несколько секунд доносятся ругательства.

Ну да, я действительно выбросила его вещи в один из мусорных баков.

Воскресная уборка – священный ритуал.

Я выхожу на улицу через дверь в прихожей и вижу, как мамин ночной гость пересекает наш двор, на ходу застегивая джинсы, а затем садится на блестящий черный байк. При виде этой картины меня начинает бить мелкая дрожь и я обнимаю себя руками, чтобы немного ее унять.

Я смотрю на парня, который надевает шлем и заводит свой «Харлей-Дэвидсон», а вместо него вижу своего гребаного отца-насильника.

Ненавижу чертовы байки.

Ненавижу парней на чертовых байках.

У моей ненависти уже так много объектов, что ее давно пора зарегистрировать как пятьдесят первый штат.

Глава 2. Хантер

– Черт, этот парень трахается как бог, – раздается за спиной мелодичный голос матери.

Обернувшись, я вижу, что она стоит, прислонившись к косяку, в дверях нашего дома и взглядом кошки, объевшейся сметаны, провожает удаляющийся байк. Ее безупречное тело, которое является лучшим свидетельством того, насколько сильно Руби любит пилатес, обернуто светло-розовым полотенцем, подчеркивающим флоридский загар, а влажные после душа волосы собраны на макушке в золотистый пучок. Даже в такую рань, без грамма макияжа и с дурацкими гидрогелиевыми патчами под глазами, она выглядит на миллион долларов.

– Ты не должна это обсуждать со мной, – ворчу я, проходя мимо нее в дом.

– Не будь занудой, Хантер, – усмехается Руби, подавляя зевок, и следует за мной на кухню. – Тебе девятнадцать, и ты уже не девственница.

К горлу подступает тошнота, когда в сознании вспышками проносятся воспоминания о моем первом и единственном сексуальном опыте: Брендон Стюарт и я. Король и Королева выпускного бала. Маленькая каюта на яхте, где проходит вечеринка по случаю окончания школы, и пыхтящий от усилий регбист, который с грацией слона в посудной лавке пытается вставить в меня свой кривоватый член…

В тот вечер были сильные волны, и этого придурка укачало прямо во время нашего неуклюжего секса. Стоит ли говорить, что было дальше?

Этот день официально стал худшим в моей жизни.

К счастью, с тех пор я больше не видела Брендона, но фотографии со мной в заблеванном вечернем платье от Веры Вонг до сих пор мелькают в ленте Пинтереста[3 - Пинтерест (англ. Pinterest) – популярный социальный фотохостинг, позволяющий пользователям добавлять в онлайн-режиме изображения, помещать их в тематические коллекции и делиться ими с другими пользователями.], как «идеи, которые могут вам понравиться».

Мы входим на кухню, и мой стакан с недопитой водой тут же попадает под кареглазый прицел Руби. Сердито вздыхая, она достает из ящика стола смятую пачку «Лаки Страйк», садится на деревянную столешницу и прикуривает.

– Я ведь просила тебя не пить перед съемками, – ее слова вылетают вместе с дымом.

– А я просила у Санты нормальную мать, но, как видишь, наши желания не всегда исполняются.

– Я идеальная мать, – фыркает Руби, лениво наблюдая за тем, как я разгружаю посудомоечную машину.

– Идеальные матери не спят с малолетками.

– С малолетками? – ее голос становится выше на пол-октавы. – Парню двадцать один хренов год!

– А твоей дочери – девятнадцать! – восклицаю я, поворачиваясь к ней. – О чем ты только думала, черт возьми? Ты ведь ему в матери годишься!

Если бы взглядом можно было убивать, то я бы уже взбиралась по ступеням раскаяния, ведущим к вратам чистилища. Ну, или как там было у Алигьери?

– Еще раз скажешь что-то подобное, и я откушу твою болтливую голову. – Она крепко затягивается и выпускает облако сигаретного дыма прямо мне в лицо. – И зачем я вообще научила тебя разговаривать?

У меня вырывается смешок.

– Это была бабушка.

– Ну да, точно. – Ее широкий рот растягивается в улыбке. – Кстати, о прошлой ночи. Клянусь богом, я старалась вести себя тише, но этот жеребец…

– Господи, мам! – Я с грохотом захлопываю дверцу посудомоечной машины и широкими шагами прохожу через кухню, прижимая ладони к ушам. – Избавь меня от грязных подробностей.

– Эй! Почему это они грязные?

– Ла-ла-ла! Я тебя не слышу! – кричу я из гостиной и, пританцовывая под новый трек Оливии Родриго, доносящийся из умной колонки, направляюсь в ванную.

Спустя час «Курица», – так я с любовью называю свой старенький желтый «Мини-Купер», уже мчит по Олд-Катлер-роуд в сторону южного Майами. Яркие лучи утреннего солнца отражаются от блестящего капота и бьют прямо в глаза. Влажный ветерок, влетающий в открытые окна машины, приятно холодит лицо. Температура безжалостно приближается к восьмидесяти пяти градусам по Фаренгейту, но в урбанистическом Майами, особенно в районах с повышенной влажностью, она ощущается как более высокая.

Мне не сложно почувствовать этот контраст, потому мы с матерью живем в пригороде. Наш дом находится в нескольких километрах от мегаполиса, в небольшом живописном городке Катлер-Бей, куда мы перебрались около пяти лет назад.

До переезда в пригород Майами мы жили на маленьком курортном острове Ки-Уэст, расположенном у побережья Флориды, между Атлантическим океаном и Мексиканским заливом. В месте, где максимальная высота домов достигает всего пять этажей, по улицам расхаживают охраняемые законом петухи, а легендарный Семимильный Мост частенько выступает площадкой для голливудских съемок. Если вы смотрели фильм «Правдивая ложь», то именно на этом мосту снимали культовый эпизод финальной погони старины Арни за террористами. Но, как бы круто все это не звучало, Ки-Уэст был той еще унылой дырой. Мне всегда казалось в нем слишком тесно.

Другое дело – Майами. Город возможностей, любезно выворачивающий перед нами свои карманы. Здесь мама открыла первый собственный бизнес, который планомерно начинает процветать, а я, благодаря ее деньжатам, поступила в престижный местный университет. Завтра первый день учебы.

Похоже, жизнь налаживается.

Когда индикатор топлива начинает мигать, я съезжаю с дороги и торможу на ближайшей заправке.

– Пойду я, – останавливает меня Руби, когда я тянусь на заднее сиденье за сумкой.

Мне остается только пожать плечами.

– Валяй.

Мама элегантно выходит из машины, расправляет складки тонкого кремового платья и встряхивает роскошной копной белокурых волос. Жесты отточены до совершенства. В мире Руби это что-то вроде брачного танца, который исполняет самка, чтобы привлечь внимание самца.

Я понятия не имею, каким образом это работает, но не проходит и пары секунд, как на нее обращает внимание убийственно-огромный лысый латиноамериканец, который заправляет свой «Бентли» у другой колонки.

Кроме шуток, мужик реально сложен как танк: высокий рост, чудовищной ширины плечи и сужающийся к талии торс. Под тонкой рубашкой, заправленной в элегантные брюки, бугрятся мышцы, туго натягивая хлопковую ткань, на ногах черные лоферы, размером с межпланетные ракеты Илона Маска, а на лице – солнцезащитные очки-авиаторы от «Рэй Бен», которые делают его похожим на телохранителя или тайного агента спецслужб.

Откинувшись на сидении, я скучающе наблюдаю за тем, как мама растерянно хлопает ресницами, изображая первые стадии панической атаки, и что-то быстро говорит подошедшему к ней мужчине.

Прекрасная дама в беде.

Чертова классика.

Спустя пару мгновений громила уже смотрит на нее с нескрываемым интересом, готовый не только оплатить ей бензин, но и вписать ее своим бенефициаром в полисе страхования жизни. К счастью для него, Руби никогда не играет по-крупному.

Через пятнадцать минут мама возвращается в машину, держа в руке коричневый бумажный пакет и визитку.

– Полный бак и овощной буррито, – самодовольно подмигивает она.

Я закусываю губу, стараясь сдержать смех.

Эта женщина – ходячее противоречие. Она умудряется совмещать страсть к мексиканской кухне с низкокалорийной диетой, курение с любовью к бегу, а симпатию к феминизму с ведением бизнеса в сфере эскорт-услуг.

– Брюс Маккартни, главный тренер футбольной… – читаю я вслух серебристую надпись на черном фоне.

– Ай, выброси это! – Руби выхватывает у меня визитную карточку, не дав дочитать, и швыряет ее в открытое окно. – У мудака обручальное кольцо на пальце.

Едва уловимая нотка отчаяния в ее голосе привлекает мое внимание.

– Тебе он понравился, – заключаю я.

– Заткнись и жми на чертов газ, – рявкает Руби, после чего жадно вгрызается зубами в тортилью.

– Не просто понравился, – ахаю я. – Ты запала на него, не так ли? С первого взгляда! Как в какой-то убогой мелодраме на «Passionflix[4 - Passionflix – это стриминговый сервис, на котором можно смотреть фильмы и сериалы, снятые по мотивам любовных романов.]».

– Хантер, моя единственная любовь лежит дома в ящике для белья и работает от трех батареек.

– Эй, а как же я?!

– Прости, подкидыш. Вечно про тебя забываю, – усмехается Руби, и через секунду ее буррито врезается мне в лицо.

Когда мы въезжаем в распахнутые ворота виллы, которую мама арендовала для фотосессии, мои лицевые мышцы уже болят от смеха.

Выстроенное в тропическом стиле двухэтажное здание выглядит компактным и уютным. Подстриженный газон, ухоженные кустарники и клумбы с яркими цветами. Белый фасад виллы оснащен рядом французских окон, в которых отражается невозмутимая гладь бассейна, сверкающего, как бирюзовое стекло. Все вокруг дышит спокойствием и тишиной. Мы проходим по усыпанной гравием дорожке, вдоль которой посажены лимонные деревья, и входим в дом, где нас встречает Макэйо.

Макэйо – верный слуга моей матери. Экзотическим именем он обязан своим гавайским предкам. Хотя на этом его интересности не заканчиваются. Мак красит волосы в розовый, фанатеет по Достоевскому, слушает французский шансон и до смерти боится свинины, потому что та якобы привлекает злых духов. Он ниже меня сантиметров на пятнадцать и легче килограммов на пять. В те редкие минуты, когда он не целует Руби задницу, мы неплохо ладим.

– Алоха, дорогая! – Он быстро клюет меня в щеку и тут же переключает внимание на мать: – Святые котики, какое платье!

Я закатываю глаза и прохожу в гостиную. На кофейном столике, рядом с коробкой конфет, стоят два ведерка со льдом, в которых охлаждается шампанское, а чуть подальше возвышается гигантское блюдо с фруктами.

Ничего необычного.

Руби каждый свой выход из дома превращает в алко-фестиваль.

Сквозь стеклянные двери гостиной, ведущие на террасу, вижу команду матери: фотографа Эндрю, его ассистента Нила, визажиста Анну и рыжеволосую

незнакомку, вероятно, нового парикмахера.

– Как настроение, Хантер? – окликает меня Макэйо. – Готова поработать?

– Ага-а-а, – неохотно протягиваю я, отправляя в рот виноградинку.

Господи, как же я ненавижу все это, но у меня нет возможности свалить.

Моя мама владеет небольшим, но уже довольно известным в узких кругах агентством по оказанию эскорт-услуг. Все в рамках закона. Никакого теневого бизнеса или деятельности, связанной с секс-индустрией. Только дружеское сопровождение на деловых встречах или открытых мероприятиях в пределах округа Майами-Дейд и чрезвычайно высокая анонимность. Я знаю, о чем говорю, потому что мне приходилось дважды подменять моделей матери. Свое личное время – вот все, что я продавала ее богатеньким клиентам.

Помимо сопровождения, девушки из агентства нередко подрабатывают фотомоделями, снимаясь для журналов, каталогов одежды и прочей ерунды. Этим тоже заправляет Руби. Все контракты с ее моделями заключаются только через нее. Именно поэтому я сейчас здесь. Выбранная для рекламы модель внезапно заболела, и, чтобы не потерять деньги, мать договорилась с заказчиком, что ее заменю я.

– Держи. – Мак протягивает мне бумажный пакет. – Можешь переодеться в гардеробной на втором этаже.

Я заглядываю внутрь пакета и чувствую, как к щекам приливает жар.

– Что это? – Я с ужасом смотрю на две маленькие красные тряпочки, ткани которых не хватит даже на костюм для чихуахуа.

– Купальник, – осторожно отвечает он, хлопая своими раскосыми глазами. – Разве Руби не говорила тебе, что фотосъемка будет у бассейна?

Я с яростью перевожу взгляд на мать.

– Ты окончательно выжила из ума?

– Хантер, это всего лишь купальник. – Ее какая-же-ты-королева-драмы тон еще больше выводит меня из себя. – Ты каждый день ходишь на пляж, где все пялятся на тебя абсолютно бесплатно.

– Это не то же самое!

– Детка, давай просто сделаем это, ладно? Ты же не можешь подвести всех этих людей? – Она указывает рукой на свою команду, которая стоит за стеклянной дверью.

– О, еще как могу. – Я швыряю на пол бумажный пакет и пинаю его носком кроссовки. – Смотри, беру и подвожу.

– Хантер…

– Я буду фотографироваться только в одежде.

– Зачем она тебе нужна? – Мак успокаивающе кладет руку мне на плечо. – Взгляни на свою фигуру, милая. Ей позавидует даже Кендалл Дженнер. Прятать такие формы – преступление.

Я опускаю глаза на свою футболку с изображением Уолтера Уайта[5 - Уолтер Хартвелл Уайт (англ. Walter Hartwell White) – главный герой американского телесериала «Во все тяжкие». Его роль исполнил Брайан Крэнстон.] и недоумеваю, о каких таких формах щебечет этот гавайский попугай. Моя грудь не изменилась со времен младшей школы, а задница и вовсе в комплектацию не вошла.

– Я сказала «нет».

Руби стонет так громко, что все головы за стеклянной дверью поворачиваются в нашу сторону.

– Хантер, если я не выполню условия соглашения, мне придется выплачивать чертову неустойку! Ты же знаешь, что мы сейчас на мели. И благодаря кому? – Она театральным жестом указывает на меня. – Благодаря одной занозе в заднице, которая решила поступить в самый дорогой университет Флориды

и повесить на меня все свои гребаные счета! Так что, если не хочешь до конца своих дней переворачивать котлеты для гамбургеров в Макдональдсе, надевай хренов купальник и работай.

Я уверена, что мой праведный гнев ощущает на себе каждый в этом доме, – потому что такой тишины не бывает даже на кладбище.

– Я хочу пятьдесят процентов от гонорара, – объявляю я тоном, не терпящим возражений.

Ее густые темные брови взмывают вверх.

– Мы договаривались на тридцать.

– Я сказала – пятьдесят.

– Истинная Брэдшоу, – хохочет Мак.

Его слова вызывают у Руби довольную ухмылку, и она протягивает мне руку.

– Идет.

Глава 3. Хантер

Тридцать минут я кружу по кампусу Рейнерского университета, прежде чем нахожу свободное место на парковке. В первый учебный день здесь яблоку негде упасть. Заглушив двигатель, снимаю солнечные очки и устремляю взгляд на сверкающий зеркально-стеклянный фасад гуманитарного корпуса, в котором с минуты на минуту начнется моя первая лекция.

– Ну, приветик, взрослая жизнь с непонятной иерархией и долбанутыми правилами, – нараспев произношу я, разглядывая все вокруг.

Частный Университет Джона Рейнера был основан в конце прошлого века, поэтому на его территории стоят только современные постройки преимущественно из бетона, стекла и нержавеющей стали. Бесконечные ряды окон в пол, стирающие границы зданий, вечнозеленый ландшафт, усеянный высокими качающимися пальмами, и теплый осенний воздух, пропитанный солью бушующего рядом океана… К слову, никаких вульгарных архитектурных форм, плюща и удушливого запаха снобизма, присущих большинству знаменитых кампусов. Некоторые постройки здесь вполне могут претендовать на сертификацию LEED[6 - LEED – это система сертификации экологичности зданий, которая считается признанием на международном уровне.] от совета по американскому экологическому строительству.

Несмотря на довольно молодой возраст, Рейнер стабильно входит в десятку лучших университетов страны. Он предлагает отличную программу по криминалистике, на которой я собираюсь специализироваться, а судебные науки здесь преподают знаменитые на весь мир профессора.

Я тянусь к маленькому рюкзаку, лежащему на соседнем сиденье, и достаю из него зеркальце, чтобы оценить свой внешний вид: длинные волосы собраны в высокий хвост, туго стянутый шелковой лентой-твилли от Эрмес, в ушах сверкают золотые сережки в форме скрепок, а на лице – макияж «без макияжа», на который я потратила полчаса своей прекрасной жизни. Мое отражение показывает мне долбаного ангелочка с широко раскрытыми голубыми глазами и раскрасневшимися от жары щеками, и я не имею ни малейшего представления, кто теперь эта девушка.

Очевидно, я больше не та «дрянная девчонка», с которой все мечтали дружить в старшей школе. Теперь я первокурсница в университете, где учатся отпрыски людей, правящих этой страной. И кем я здесь стану – зависит только от меня.

Черт, ну почему я не родилась Питером Пеном?

Тогда мне не пришлось бы взрослеть.

Выхожу из машины и жадно вдыхаю горячий воздух, в котором буквально витает дух успеха и богатства. Я мечтала здесь учиться с тех пор, как начала задумываться о своем будущем, но мои планы получить стипендию рухнули так же быстро, как и мой средний балл, когда я нарушила парочку правил

в старшей школе.

Окей, может, чуть больше, чем парочку.

К счастью, Руби довольно успешна в своем эскортно-модельном бизнесе и в состоянии оплатить мое обучение в престижном университете.

По дороге я изучаю карту и без труда нахожу нужную аудиторию. Но перед тем, как в нее войти, бросаю взгляд на наручные часы. Ноги прирастают к полу.

Проклятье. Я опоздала.

Нет, не просто опоздала – катастрофически опоздала в первый же день занятий!

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Мысль о том, что какой-то преподаватель станет гневно отчитывать меня перед сотней незнакомых людей, переворачивает мой желудок. «Дыши», – приказываю я себе, пытаясь игнорировать подступающую тошноту.

«Пунктуальность – подружка зануд и бездельников, Хантер», – раздается в голове скучающий голос матери, и я быстро киваю, вытирая о джинсы внезапно вспотевшие ладони, пока мой внутренний Люцифер продумывает для нас план спасения.

Прежде чем открыть проклятую дверь, решаю осторожно заглянуть в щелку. Разумеется, профессор уже начала свою лекцию. Ее тоненький, почти детский голосок совершенно не вяжется со строгим внешним видом. Она похожа на Эдну Мод из мультфильма «Суперсемейка» – черное платье, геометричный боб и круглые очки в роговой оправе.

Мысленно пожелав себе удачи, я широко распахиваю дверь и на одном дыхании выпаливаю:

– Простите, профессор, но вашу машину только что пытались угнать!

Женщина поворачивает голову в мою сторону. На ее лице отражается замешательство, которое быстро сменяется испугом. Я облегченно выдыхаю. Вся территория кампуса, включая парковки, строго охраняется, и каждому преподавателю это известно, просто в стрессовой ситуации люди часто поддаются эмоциям, что мешает им трезво мыслить.

Благослови Господь создателей психологических триллеров!

Я окидываю беглым взглядом лекционный зал в поисках свободного места и замечаю, что все студенты пялятся на меня, как на пришельца. Мне приходится сделать над собой усилие, чтобы не закатить глаза.

Ну да, я лгу, и что с того?

– Белая Тойота Королла? – с ужасом спрашивает «Эдна», прикладывая руку к груди.

– Точно, – киваю я. – Но вам не о чем беспокоиться, профессор. Когда я пригрозила хулигану, что вызову полицию, он сразу же сбежал.

– Иисусе, – шепчет она небесам, а затем снова сосредотачивается на мне. – Спасибо вам за бдительность, мисс э-э-э…

– Хантер Брэдшоу, – сверкаю я своей лучшей фальшивой улыбкой.

– Спасибо, мисс Брэдшоу. Пожалуйста, присаживайтесь.

Нахожу свободное место в третьем ряду, возле длинноволосой брюнетки в дорогих шмотках, в которых без труда узнается крой премиальных брендов. Она слегка улыбается мне, когда я сажусь рядом.

– Брэдшоу? Как в «Секс в большом городе»[7 - «Секс в большом городе» (англ. Sex and the City) – американский комедийно-драматический телесериал канала HBO, созданный Дарреном Старом.]?

– Как «Хаос в маленьком пригороде», – бормочу я, вытаскивая блокнот из рюкзака.

– Что за пригород?

– Катлер-Бей.

– Понятия не имею, где это.

– Я тоже.

Девушка беззвучно смеется, а затем протягивает мне руку под столом. Я чувствую легкий аромат ее цветочных духов.

– Меня зовут Дэнни. Даниэла Ривас. Я из Пало-Альто.

Мы обмениваемся быстрым рукопожатием, и я поворачиваю голову, чтобы внимательнее ее рассмотреть.

Дэнни полная противоположность мне: черные волосы, смуглая золотистая кожа, полные губы и красивая фигура с аппетитными изгибами в нужных местах. Сдвинутые на макушку солнечные очки подчеркивают безупречный овал лица, а густые черные брови оттеняют невероятные светло-зеленые глаза с вкраплениями золота и янтаря.

– Твои глаза… Это что, линзы?

– Нет, это многонациональные корни моих родителей. – Она равнодушно пожимает плечами, словно не считает свой внешний вид грандиозной победой в генетической лотерее. – Моя мать – американка русско-турецкого происхождения, а отец – колумбиец, который имеет голландские и ливанские корни.

Ого.

– Ты горячая штучка, Даниэла Ривас.

– Э-э-э… Спасибо. – Ее приветливое лицо моментально розовеет. – Кстати, ты не боялась, что профессор Лебовски не купится на твое маленькое

представление?

– Не особо. В крайнем случае я бы свела все к шутке.

Дэнни качает головой, но не осуждающе, а скорее изумленно.

– Уже определилась со специальностью?

– Криминалистика, – с придыханием произношу я самое сексуальное в мире слово. – А ты?

– Почти, – ее нос морщится. – Родители настаивают на предпринимательстве.

– А чего хочешь ты?

Даниэла удивленно сводит брови, будто до меня никто никогда не спрашивал ее об этом, но вместо ответа задает новый вопрос:

– Почему ты выбрала именно этот колледж?

– Он лучший во Флориде, – не раздумывая, отвечаю я, – и один из лучших в стране. А еще мне нравится его расположение, потому что кампус находится всего в получасе езды от моего дома. Жить в общежитии – полный отстой.

– Никакого родительского контроля.

– Общая ванная.

– Свобода и независимость.

– Чокнутые соседки по комнате.

– Не напоминай, – вздрагивает Дэнни, и мне уже не терпится услышать эту историю. – Хочешь перекусить где-нибудь после лекции?

Я киваю, и мое отстойное настроение моментально улучшается.

Глава 4. Хантер

В день, когда мне пришло долгожданное уведомление о зачислении в Рейнерский университет, я решила установить для себя несколько важных правил.

Правило первое: прилежно учиться.

Ну да, я в курсе, что мой прошлый рекорд – один семестр в младшей школе, но в этот раз все будет иначе. Ведь я действительно мечтаю стать экспертом-криминалистом. Собирать и исследовать улики с мест преступлений. Реконструировать события. Вычислять преступников, идентифицировать их личности и доказывать их вину. Разве это не крутая работенка? И нет, меня не пугает работа с трупами. И да, «C.S.I»[8 - «C.S.I.: Место преступления» – американский телесериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории Лас-Вегаса.] – мой любимый сериал.

Правило второе: не повторять ошибок прошлого.

Ну, например, не писать баллончиком «Сдохни» на машине учителя этики за долбаную «C»[9 - Система оценивания знаний в США: A – отлично, B – хорошо, C – удовлетворительно, D – слабо и F – неудовлетворительно.] с минусом на экзамене. Не составлять списки способов, которыми можно шантажировать преподавателей, на случай, если ухудшится успеваемость. В общем, стать терпимее к окружающим. Ведь в Рейнере меня никто не знает, а значит, я могу начать все с чистого листа.

Правило третье: преуспевать в общественной жизни колледжа.

В частности, в спорте. Спортсменам всегда все сходит с рук. Кому, как не мне, бывшему капитану команды по чирлидингу, знать об этом. Участие в университетской группе поддержки станет моим запасным парашютом, за кольцо которого я потяну, если облажаюсь с предыдущим правилом. Надеюсь, я без проблем в нее попаду.

И, наконец, последнее правило: не влюбляться.

По крайней мере, в парней. Не сомневаюсь, с этим проблем не будет. Вспоминая примеры богатого опыта своей матери, понимаю одно: любовь всегда приводит к драме, а драма – не мой жизненный маршрут.

Но это вовсе не значит, что я собираюсь записаться в монашки. Мне девятнадцать лет, черт возьми! Самое время грешить!

– Значит, ты тоже не на стипендии? – спрашивает Дэнни, когда мы занимаем свободный столик в дайнере.

Пары ее фраз о чечевичном супе и сэндвичах с фалафелем хватило, чтобы заинтересовать меня этим местечком. Я не вегетарианка, просто стараюсь питаться правильно, придерживаясь спортивной диеты. Конечно, от нескольких шотов текилы или бутылочки крафтового пива я вряд ли откажусь, но, выбирая между жирным бургером и овощным салатом, всегда предпочту последнее.

– Разумеется нет, – отвечаю я, листая меню. – Проще родить от морского ежа, чем получить стипендию в Рейнере.

– Тебе стоит поторопиться. У них уже заканчивается брачный сезон.

Я поднимаю голову и моргаю в недоумении.

– У кого?

– У морских ежей.

– Не знаю, что меня удивляет больше: то, что у морских ежей есть брачный сезон, или то, что тебе известно, когда он проходит.

Даниэла широко улыбается, и я чувствую, как по моему лицу ползет ответная улыбка. Черт, как же давно у меня не было подруги, с которой можно вот так поговорить о всяких глупостях.

– Я просто очень люблю морскую биологию.

– Тогда почему не выберешь ее своей специальностью?

Ее улыбка меркнет.

– У моего отца есть дурацкая привычка вмешиваться в каждую минуту моей жизни и вносить в нее поправки. Он маскирует это миленьким словом «забота», но, если что-то идет не по его сценарию, моя жизнь превращается в ад. – Дэнни обводит пальцем с безупречным маникюром изображение жареного бифштекса в меню и тяжело вздыхает. – Если я выберу морскую биологию, отец перестанет платить за мое обучение и мне придется покинуть Рейнер.

– И что с того? – фыркаю я. – Ты можешь получить полную стипендию в каком-нибудь другом колледже и изучать в нем свою любимую биологию, наплевав на денежки придурковатого папаши.

– Хантер…

– Постой, – прищуриваюсь я с подозрением. – Ты ведь могла сразу так поступить, верно? Но выбрала именно Рейнер. Значит, здесь есть что-то, что для тебя важнее биологии. – Внезапно меня поражает догадка. – Или кто-то?

На ее лице отражается забавная смесь смущения и изумления.

– Знаешь, из тебя выйдет неплохой детектив, Брэдшоу.

– Его имя, – требую я.

Повисает долгая пауза. Дэнни какое-то время изучает меня, словно решает, – можно мне доверять или нет. Я не давлю на нее. Нам действительно понадобится взаимное доверие, чтобы стать настоящими подругами.

– Сойер Линч, – наконец отвечает она. – Возможно, ты знаешь его как центрального лайнбекера[10 - Лайнбекер (англ. linebacker) – игрок защиты в американском футболе. Как правило, это лучшие атлеты в команде. Сильные, быстрые, агрессивные и многозадачные. Центрального лайнбекера иногда называют «квотербеком защиты».] «Рейнерских Пиратов».

– Никогда о нем не слышала, – пожимаю плечами. – Я люблю футбол, но слежу за успехами «Дельфинов[11 - «Майа?ми До?лфинс» или «Дельфины из Майами» (англ. Miami Dolphins) – профессиональный клуб по американскому футболу, базирующийся в Майами, Флорида.]».

Появление официантки прерывает наш разговор, и пока Даниэла делает свой заказ, я немного осматриваюсь, размышляя над услышанным.

Обстановкой «Черный Сэм» чем-то смахивает на закусочную «Pop's» из Ривердейла: широкие диваны, обитые красным кожзаменителем, шахматный пол, музыкальный автомат джукбокс, играющий песни Дина Рида, и «баночные» репродукции Энди Уорхола на стенах. Дух середины прошлого века присутствует в каждой детали, за исключением суперсовременного меню. Семь видов смузи в карте! Здесь даже хипстеры будут чувствовать себя как дома.

– Этот Сойер – твой парень? – спрашиваю я, когда официантка уходит.

– Что?! Нет! Просто, э-э-э… сосед. Наши семейные дома в Пало-Альто стоят на одной улице, – бормочет Дэнни слишком быстро.

Позади меня звякает дверной колокольчик, уведомляя о новых посетителях, и ее большие светло-зеленые глаза комично округляются. Я собираюсь проследить за ее взглядом, направленным поверх моей головы, но Даниэла бьет меня ногой под столом.

– Ауч!

– Не поворачивайся. – Она быстро поправляет свой белый кружевной топ с глубоким вырезом и перебрасывает волосы через плечо. – Как я выгляжу?

– Как модель из клипа G-Eazy[12 - Дже?ральд Эрл Ги?ллум (англ. Gerald Earl Gillum) – американский рэпер, автор песен и продюсер, известный под сценическим псевдонимом G-Eazy.].

– То есть, как шлюха?

– То есть, как горячая мужская фантазия, воплощенная в жизнь. Может, объяснишь уже наконец, что происходит?

– Сойер, – понизив голос до свистящего шепота, произносит она. – Он здесь, возле автомата с напитками.

– Один?

– Нет, со своими товарищами по команде.

Я оборачиваюсь и вижу трех стоящих к нам спиной парней, которые, несомненно, приковывают к себе внимание всех окружающих. Двое из них – блондин и брюнет – загорелые широкоплечие громилы под два метра ростом, третий же парень, который немного ниже и худощавее своих дружков, и вовсе выглядит как долбаная рок-звезда: бледная, покрытая татуировками кожа, черные взлохмаченные волосы, линялая футболка с надписью «Bad Religion» через всю спину, черные джинсы-скинни с цепями и кеды с черепами от Эда Харди.

– Блондинчик, Классная задница или Билли Джо Армстронг[13 - Билли Джо Армстронг (англ. Billie Joe Armstrong) – американский музыкант, певец, автор песен и актер, наиболее известный как лид-вокалист и гитарист панк-рок группы Green Day.]? – спрашиваю я, пока официантка расставляет заказанные блюда на нашем столе.

Дэнни не отвечает. Она с ужасом смотрит на свою тарелку, где похожий на гигантский плот сэндвич с ростбифом тонет в океане из луковых колечек и картошки фри.

– Боже, он подумает, что я питаюсь как свинья.

– То есть узнает тебя получше? – усмехаюсь я, ковыряясь вилкой в своем уолдорфском салате. Она показывает мне средний палец, после чего быстро меняет наши тарелки местами. – Эй! Какого хрена?

– Малышка Ривас?

На диван рядом с Дэнни плюхается светловолосый красавчик и ослепляет нас идеальной улыбкой. Он похож на модель Аберкромби и Фитча. Черты его лица безупречны. Прямой нос, волевой подбородок, выдающий твердость характера, зеленые глаза в обрамлении пушистых ресниц и полные губы с ярко выраженной дугой Купидона, которые наверняка приятно целовать. Я опускаю взгляд ниже, на татуировки, покрывающие кожу его левой руки, и уже вижу, как слетают трусики у зрительниц на стадионе, когда эта конфетка выбегает на поле.

– Прежде чем подсесть за чужой столик, необходимо спросить разрешения у тех, кто за ним сидит, – ворчливо говорю я, наблюдая за тем, как Дэнни с блондином сдвигаются в сторону, чтобы освободить место «рок-звезде».

– Разве похоже, что мы в нем нуждаемся? – слышу я знакомый низкий голос, который переворачивает мой желудок.

Я поднимаю голову и встречаюсь взглядом с парой пронзительных карих глаз.

Святое дерьмо.

Передо мной стоит бывший любовник моей матери. Тот самый сукин сын на байке, шмотки которого я вчера утром отправила на помойку.

Глава 5. Хантер

Он бесцеремонно садится рядом, закидывает руку на спинку дивана и вытягивает вперед длинные ноги. Наши бедра тесно соприкасаются, но я принципиально не сдвигаюсь ни на дюйм.

Его гребаная наглость еще не знает, с кем связалась.

– Не собираешься познакомить нас со своей подругой? – интересуется у Дэнни светловолосый красавчик, который уже успел представить ее парням.

– Это Хантер. Мы подружились во время ознакомительной лекции для первокурсников, – в ее голосе слышатся нотки волнения. – Хантер, это

Сойер.

Она мило краснеет, когда произносит его имя.

– Рад знакомству, Хантер, – подмигивает Линч, а затем кивает в сторону «рок-звезды», который копается в своем телефоне, не проявляя никакого интереса к нашему разговору. – Это Джей, а рядом с тобой сидит Чейз.

– Можно просто папочка, – теплое дыхание касается кромки моего уха, и меня окутывает запах дорогого одеколона, дерзости и фруктовой жвачки.

Я поворачиваю голову. Теперь наши лица на расстоянии всего нескольких дюймов друг от друга. Замечаю небольшой шрам, пересекающий его левую бровь, слегка изогнутый нос, будто его ломали, и не раз, крапинки золота, сверкающие на радужке карих глаз… Ненавижу это признавать, но парень выглядит сногсшибательно. Мускулистый, широкоплечий и нерушимый, как скала. Такая мужественная красота не может принадлежать какому-нибудь слюнтяю. Думаю, в альтернативной вселенной он мог бы мне понравиться.

При этой мысли я вздрагиваю.

– А как насчет мудилы? – любезно предлагаю я.

Его губы растягиваются в нахальной ухмылке. Он наклоняется ближе, касаясь темными волосами моего лба, и тихо произносит:

– Я не могу решить, чего сейчас хочу больше: трахнуть тебя или сжечь.

– Эй! Вы что, целуетесь? – ахает Дэнни.

Я резко отстраняюсь от Чейза, чувствуя себя застигнутой врасплох. Мои щеки пылают.

– Скорее небеса рухнут на землю, – бормочу я, прижимая руку к шее, где под пальцами бешено бьется пульс.

Боже правый.

Когда здесь стало так жарко?

Я хватаю стакан с водой и делаю несколько торопливых глотков. Мои действия вызывают у Чейза усмешку, и в голове проносятся десять способов спрятать труп так, чтобы его никогда не нашли, – спасибо true crime подкастам.
От мучительной смерти недоумка спасает официантка, которая приносит меню и полотенца для рук, тем самым переключая мое внимание.

– Ты собиралась одна все это съесть? – спрашивает Сойер, указывая на тарелку Дэнни, которая стоит передо мной.

– У нее метаболизм колибри, – приходит мне на помощь Ривас, невинно хлопая длинными ресницами.

Лживая калифорнийская задница.

– Если хотите, угощайтесь. У меня пропал аппетит, – отвечаю я, а про себя добавляю: «Все равно вы платите».

– Спасибо, куколка. – Сойер берет с моей тарелки луковое колечко и кладет себе в рот. – Кстати, как вам вводная лекция?

– Когда Лебовски зачитывала вслух список знаменитостей, которые учились в Рейнере, я едва сдержалась, чтобы не приложить ладонь к левой груди.

– Вообще-то она ее приложила, – смеется Дэнни. – И даже начала напевать университетский гимн. Но профессор не оценила иронию и Хантер получила замечание.

Джей поднимает взгляд от телефона и скептически смотрит на меня. Моя кожа покрывается мурашками. Чувак выглядит так, будто на завтрак ест трупы своих врагов. Разрезая их мясо своими острыми скулами.

– Ты знаешь университетский гимн? – спрашивает он низким, хрипловатым голосом, таким же колючим, как его черные глаза.

Я пожимаю плечами.

– Всегда мечтала здесь учиться.

– Специальность?

– Криминалистика.

Парни переглядываются, и я ощущаю на себе жар карих глаз Чейза.

Проклятье, мне срочно нужно освежиться.

– Я на минутку, – говорю Дэнни, поднимаясь из-за стола.

Слава богу, мне не приходится протискиваться мимо Чейза, потому что в парне неожиданно просыпаются хорошие манеры, ну, или инстинкт самосохранения, и он встает, чтобы освободить мне путь.

Оказавшись в уборной, подставляю руки под кран и смотрю в зеркало, наслаждаясь ощущением холодной воды на коже. К счастью, я здесь одна. Единственная свидетельница своей мини-истерики.

Отрываю бумажное полотенце и прикладываю его к лицу, к шее… Затем еще одно… и еще… Легкие гудят от напряжения. Делаю несколько глубоких вдохов, стараясь упорядочить хаотичные мысли. Но это не срабатывает.

– Блять, – бормочу я, сжимая пальцами края раковины. – Блять. Блять. Блять.

Мне не может не везти вот настолько!

Бывший любовник моей матери – гребаная звезда университета, чье тупое лицо теперь я вынуждена буду видеть постоянно.

Это, должно быть, сон.

Чертов кошмар.

Внезапно дверь в уборную распахивается и на пороге возникает та самая гребаная звезда, заполняя собой весь дверной проем.

– Ну, надо же! – Прислонившись к косяку, он скрещивает руки на груди. – Девчонка, которая ворует чужие вещи, собирается в будущем сражаться с преступностью. Кажется, эту страну ждут большие неприятности.

– Проваливай отсюда, пока я тебя не убила.

Мои слова вызывают у парня странную улыбку. Он задумчиво потирает нижнюю губу большим пальцем, а затем неожиданно произносит:

– Знаешь, я думаю, нам нужно переспать.

У меня отвисает челюсть.

Он издевается надо мной?

– Между нами возникло определенное напряжение, – как ни в чем не бывало продолжает говнюк, – и секс поможет его снять. Почему ты так смотришь на меня?

– Просто пытаюсь понять, ты тупой или бесстрашный? – сжимая руки в кулаки, я подхожу к нему и цежу сквозь стиснутые зубы: – Дай пройти.

К счастью, он растворяется в дверном проеме раньше, чем я решаю этими кулаками воспользоваться.

Когда я возвращаюсь, за столиком сидят только парни. Перед ними стоят тарелки с едой, содержимого которых хватит, чтобы накормить население небольшого городка.

– Где Даниэла? – мой голос все еще окрашен гневом.

– Она получила сообщение от соседки по комнате, у которой, похоже, какие-то проблемы с ключ-картой, и ей пришлось уйти, – с набитым ртом отвечает Сойер.

Черт, а я ведь даже не успела записать ее номер.

– Окей, мне тоже нужно идти. – Я подхватываю с дивана свой маленький рюкзак и вешаю его на плечо. – Приятно было познакомиться и все такое.

– Хантер, подожди! – Линч хватает меня за руку, и головы всех немногочисленных посетителей тут же поворачиваются к нам. – В моем доме сегодня пройдет вечеринка по случаю начала учебного года, и ты приглашена. Придешь?

Я на секунду задумываюсь, слегка прикусывая щеку изнутри.

Хм, почему бы и нет? Мне нравятся вечеринки. Это отличный повод завести новые знакомства и хорошенько повеселиться. Он достает телефон и сбрасывает мне свой контакт по AirDrop.

– Вечеринка костюмированная, – раздается за спиной голос Чейза.

Сойер откидывается на спинку дивана и бросает на друга странный взгляд.

– Костюмированная? – хмурюсь я. – Вы, ребята, в курсе, что сегодня не Хэллоуин?

– Старая университетская традиция, – поясняет озабоченный кретин.

– Ну, если традиция… – язвительно произношу я и ухожу не оглядываясь.

Глава 6. Хантер

– Только не вздумай тратить деньги на выпивку или закуски для этих богатеньких задниц, – дает мне наставления Руби, выводя маркером ироническую надпись «Спокойной ночи» на бейсбольной бите, – и пей только

из бутылок, которые открывают при тебе.

– Окей.

– Пообещай мне, Хантер, – с несвойственной ей строгостью требует она.

И я, конечно же, обещаю, потому что знаю – повышенная тревожность мамы связана не только с тем, что я ее единственная дочь. Руби до смерти боится, что кто-то может воспользоваться мной так же, как однажды воспользовались ею.

Закончив шнуровать свои спортивные ботинки на шпильке, я выпрямляюсь, откидываю назад волосы, которые собрала в два высоких хвоста по цвету окрашенных кончиков: один с голубыми, другой – с розовыми, и подхожу к зеркалу.

Сегодня мой наряд гораздо откровеннее, чем все, что я когда-либо раньше надевала на тусовки. На мне жутко неудобные колготки в сеточку, коротенькие красно-синие шорты с поясом, усеянным шипами, и такого же цвета бомбер. Под последним дырявая футболка с надписью «Маленький папочкин монстр», на шее – широкий чокер с металлическими буквами «ПУДИНГ», а в ушах – сережки каффы. Макияж тоже соответствует образу: под густо подведенными глазами синие и темно-розовые подтеки, имитирующие следы от слез, на губах неряшливо размазанная красная помада, а на правой скуле переводная татуировка в виде небольшого сердечка.

Знаю-знаю, образ Харли Квинн – то еще клише, но у меня не было времени на поиски чего-то «посвежее», а в том единственном магазине одежды для вечеринок, который встретился мне по пути домой, в наличии оказались лишь два костюма моего размера: этот и доспехи Чудо-женщины. Поэтому выбор был очевиден. Зло ведь всегда привлекательнее, не так ли?

– Слушай, а может, мне пойти с тобой? – Руби спрыгивает с кровати и подходит ближе. – У меня есть классный костюм медсестры!

– Не смей даже думать об этом, – я вырываю у нее из рук биту и делаю угрожающий жест.

Взгляд ее оленьих глаз становится грустнее, чем у героев Драйзера.

– Ладно, – вздыхает Руби, потуже затягивая пояс шелкового халата. – Оторвись там как следует, главное – помни…

– …никакой травки, «колес» и открытых стаканчиков с выпивкой, – произносим мы одновременно, и мама шутливо толкает меня локтем в бок.

– Ты поедешь на вечеринку одна?

– Ага. – Я беру с тумбочки телефон и открываю сообщение от Сойера с его домашним адресом. – Ехать недалеко, в Кокосовую Рощу. Вызову такси.

Надеюсь, Дэнни тоже там будет.

Днем я попыталась найти ее в социальных сетях, но безуспешно. Тогда я решила загуглить парней, с которыми познакомилась в дайнере, и просто обалдела от того, насколько они знамениты.

Как выяснилось, вся троица – футболисты, играющие за «Рейнерских Пиратов» – университетскую команду, которая выиграла пятнадцать национальных чемпионатов и собирает на своем стадионе больше зрителей, чем местный профессиональный клуб, выступающий в НФЛ[14 - Национальная футбольная лига (НФЛ) (англ. National Football League (NFL)) – профессиональная лига американского футбола в США.]. Парни – чертовы звезды. Без преувеличения. Гонорары рекламных и спонсорских контрактов «Пиратов» могут исчисляться десятками тысяч долларов, а у лучших из них и вовсе переваливать за шестизначные числа.

И если уж говорить о лучших, то…

Знакомьтесь, Чейз, мать его, Каннинг – капитан команды и стартовый квотербек[15 - Квотербек (англ. Quarterback, QB) – позиция лидирующего игрока нападения в американском футболе. Самый ценный игрок команды и ее мозговой центр. Чаще всего именно этот игрок отвечает за успешность команды.] «Рейнерских Пиратов», сын владельца известной американской компании, специализирующейся на выпуске легковых автомобилей, и местный

божок, которому в этом штате поклоняются даже атеисты.

Ладно, вынуждена признать: парень действительно хорош в том, что делает. К своему двадцати одному году он уже заработал хренову кучу различных спортивных наград, включая трофей Хейсмана[16 - Мемориальный трофей Хейсмана (англ. Heisman Trophy) ежегодно присуждается наиболее выдающимся игрокам футбола NCAA (Национальной ассоциации студенческого спорта). Победители олицетворяют великие способности в сочетании с усердием, настойчивостью и трудолюбием.] и премию «Игрок года» Уолтера Кэмпа. Так что денежки папаши здесь явно ни при чем. Но это не отменяет того факта, что Чейз – озабоченный мудак с непомерно раздутым самомнением.

Что же касается его дружков, то сведения о них не менее занятные.

Если информация о Каннинге в основном изобилует спортивными достижениями, то у лайнбекера Сойера Линча – любовными.

Благодаря своей неприлично привлекательной внешности, парень является лакомым кусочком не только для рекламных компаний известных мировых брендов, но и для девчонок, которые готовы на все, лишь бы прокатиться на звездном члене красавчика-футболиста.

И говоря – «на все», я не приукрашиваю.

Я прочитала десятки статей о том, как его чокнутых фанаток арестовывали за неприличное поведение. Одна разгуливала голышом возле виллы Линча, пытаясь привлечь внимание своего кумира, другая написала его имя на своих сиськах, а затем демонстрировала их с трибуны, третья прямо во время игры выбежала на поле и поцеловала парня, после чего заработала себе прозвище «Футбольная Морганна»[17 - Отсылка к знаменитой «Целующейся Бандитке» Морганне Робертс, которая в мире американского бейсбола известна тем, что во время игры перепрыгивала через заграждения стадиона, выбегала на поле и целовала ничего не подозревающих игроков.].

И как ей только удалось прорваться через охрану?

В общем, имя Сойера Линча теперь ассоциируется у меня с каким-то массовым сексуальным помешательством. Этот плейбой точно разобьет Дэнни сердце.

Подумать только, девчонка наплевала на собственные мечты, лишь бы быть ближе к парню, который превратил свое тело в общественное достояние.

Ладно, черт с ними.

В конце концов, каждый сам решает, когда и кем будет разбито его сердце.

Ну а что касается «рок-звезды», которого, кстати, зовут Джейден Банди, то в сети информации о нем почти нет. Все, что мне удалось выяснить, – это то, что Джей из Топики, штат Канзас; он третьекурсник, как Сойер и Чейз, а еще чертовски талантливый ресивер[18 - Реси?вер или принимающий (англ. Wide receiver) – игрок в команде нападения, который специализируется на приеме пасов от квотербека. Игроки этой позиции обладают незаурядной скоростью, ловкостью и прыгучестью.]. Никаких романтических историй, связанных с его именем. Вообще ничего подобного. Даже фоток с поклонницами не нашла. Удивительно, правда?

Хотелось бы мне увидеть, как этот мрачный тип флиртует с какой-нибудь девчонкой, которую намеревается трахнуть.

Хотя, о чем это я?

Таким парням, как эти трое, не нужно ни с кем флиртовать, девчонки сами выстраиваются в очередь, чтобы запрыгнуть к ним в постель.

Мои мысли прерывает оповещение о том, что такси подъехало к дому, и я отправляюсь на вечеринку.

Я впервые приезжаю на вечеринку одна.

И впервые так остро ощущаю одиночество.

Популярность в старшей школе дарила мне иллюзию значимости, которая постоянно притупляла это чувство. Я была капитаном команды чирлидерш, встречалась с красавчиком-регбистом, неплохо училась и произносила прощальную речь на выпускном. Да, в то время я совершала много поступков,

которыми сейчас не горжусь, но в месте, где статус и репутация – основные дисциплины, не так-то просто поддерживать имидж главной заводилы, не жертвуя при этом своей личностью.

Расплатившись с водителем, я выхожу из машины и вижу перед собой двухэтажную виллу в стиле хай-тек, которая выглядит так, словно попала сюда со страниц журнала по ландшафтному дизайну. Во всех окнах горит свет, отражаясь на полированных боках дорогущих тачек, стоящих на подъездной дорожке. Неторопливо шагаю по усаженной пальмами аллее, вдоль которой, словно жемчужины на нити, горят круглые садовые фонари. Стук моих каблуков поглощает нарастающая по мере приближения музыка. Подходя к крыльцу, замечаю «Харлей» Чейза, который стоит рядом с красным «Мазерати». В животе возникает неприятное ощущение. Не хочу видеть этого прилипалу.

Внезапно входная дверь распахивается и из нее вываливается пьяный в стельку парень. Он медленно спускается по лестнице, делая неверные шаги, а затем останавливается и с трудом фокусирует на мне взгляд налитых кровью глаз.

– Харли Квинн… Ты мой глюк, да?

– Да, чувак. И больше не пей, иначе в следующий раз явлюсь к тебе в костюме «Пилы».

– П-понял.

Он протягивает мне красный пластиковый стаканчик с бог знает чем, и я принимаю его. Но лишь затем, чтобы парень не облил меня, если начнет размахивать руками или падать. Чувствую, как внутри разрастается тревога, когда обращаю внимание на его одежду, состоящую из синих плавательных шорт и вишневой футболки с логотипом «Холлистер».

Почему он не в костюме?

– Это дом Сойера Линча? – на всякий случай уточняю я.

Вместо ответа, чувак громко икает, а затем делает несколько неуклюжих шагов в сторону идеально постриженного газона, достает член и начинает мочиться.

Господи Иисусе.

Поднявшись по лестнице, я вхожу в дом, который под завязку набит людьми, и осматриваюсь, пытаясь оценить обстановку. Вечеринка организована по высшему разряду. Просторный полутемный холл переоборудован под крутой танцпол, с диджейским пультом, слепящими глаза прожекторами, дым-машиной и столами с выпивкой, за которыми разбившийся на компании народ играет в «пиво-понг»[19 - Пиво-понг (англ. Beer pong) – популярная среди американских студентов алкогольная игра, в которой игроки бросают мяч для настольного тенниса через стол, стремясь попасть им в кружку или стакан с пивом, стоящий на другом конце этого стола.]. Из динамиков гремит «Invincible» Ester Dean и MGK, от грубых басов которой под ногами вибрирует пол. Отовсюду доносятся обрывки разговоров, крики и веселый смех.

Удивительно, что сюда до сих пор не нагрянули полицейские.

Когда глаза привыкают к вспышкам цветомузыки, я начинаю внимательнее разглядывать толпу – топики, футболки, шорты, джинсы, купальники… Никаких костюмов.

Ни одного, мать твою.

Здесь должна заиграть веселенькая музыка из старых комедий и возникнуть черный фон с надписью: «Режиссер – Роберт Б. Уайди[20 - Режиссер – Роберт Б. Уайди (англ. Directed by Robert B. Weide) – знаменитый мем о неловких ситуациях, состоящий из музыкальной заставки американского ситкома «Умерь свой энтузиазм».]».

Изображаю покер-фейс, за которым скрывается настоящая паника, и обвожу взглядом лица окружающих – многие, конечно же, пялятся в ответ. Кто-то с улыбкой, кто-то с высокомерным видом, а кто-то с недоумением. Некоторые уже фотографируют или снимают на видео для своих социальных сетей.

Я ощущаю, как прилив адреналина натягивает каждый нерв в моем теле, заставляя сердце биться быстрее. Пространство вокруг начинает сужаться. Желание сбежать становится почти непреодолимым. Но я понимаю, если сделаю это, то стану объектом насмешек на долгое время. Поэтому решаю с достоинством встретить ситуацию.

Делаю глубокий вдох, покрепче сжимая биту, и начинаю продвигаться вперед. На громадных каблуках я оказываюсь выше многих, что дает мне возможность осматриваться поверх их пьяных смеющихся головешек.

– Крутой прикид!

– Эй, ты самая горячая Харли, которую я когда-либо видел!

– Сойер вызвал стриптизерш?

– Какие ножки…

– Выпьешь со мной? – кричит мне на ухо чувак с дредами.

Я вручаю ему пластиковый стаканчик, который был у меня руке, и продолжаю протискиваться через толпу потных танцующих тел. К счастью, я приехала в самый разгар вечеринки, когда большинство уже слишком пьяны, чтобы уделять много внимания моему суперзлодейскому костюму. Еще час-два и его, скорее всего, вообще перестанут замечать. Так я себя успокаиваю.

Внезапно чувствую, как чья-то сильная мужская рука обвивает мою талию и прижимает меня спиной к каменной груди.

– Надеюсь, ты так крепко держишься за меня, чтобы не упасть, когда я дам тебе в морду? – громко спрашиваю я.

– Хантер?

Я разворачиваюсь и вижу изумленное лицо Сойера. Его нахальные зеленые глаза с любопытством оглядывают меня с головы до ног.

– Вау… Выглядишь чертовски вкусно. – Он одаривает меня обаятельной улыбкой, которая тут же тускнеет. – Детка, не смотри на меня так. Этот прикол с костюмами придумал не я.

К счастью, начинает играть медленная песня Billie Eilish и мне уже не нужно орать бешеной чайкой.

– Но ты был там, когда Каннинг трепал своим лживым языком.

– Прости, сладенькая, но я его друг, а не твой. – Сойер запускает пальцы в свою густую удлиненную челку, в результате чего волосы взъерошиваются, делая его лицо почти мальчишеским, но оттого еще более привлекательным. – Хочешь что-нибудь выпить? Кажется, в моей спальне припрятана бутылочка «Гленливета»[21 - «Гленливет» (англ. «Glenlivet») – шотландский односолодовый виски, производящийся компанией «The Glenlivet» по старинным рецептурам.] из лимитированной серии.

Я закатываю глаза.

– Ты не в моем вкусе, Ричи[22 - Ричи или Богатенький Ричи (англ. Richie Rich) – на американском молодежном сленге это прозвище дают привлекательным богатым парням, которые используют свою внешность и деньги, чтобы добиваться желаемого.].

«А во вкусе моей новой подруги, что означает – каким бы сногсшибательным красавчиком ты ни был – для меня ты под запретом», – добавляю я про себя.

– Ты лесбиянка?

– Думаешь, что можешь не понравиться только лесбиянке?

– Вообще-то лесбиянкам я тоже нравлюсь. – Он скрещивает руки на груди, щеголяя самодовольной улыбкой. В таком положении мускулы на его руках выглядят еще более впечатляющими. – У меня как-то был опыт… Дерьмовый, но все же. Так что имей в виду, я всегда открыт для новых экспериментов.

– Ну вот иди и найди себе какого-нибудь кролика.

– А как насчет орального секса?

Я поднимаю биту и кладу ее себе на плечо, многозначительно изгибая бровь.

– Ты разбиваешь мне сердце, куколка, – тяжело вздыхает футболист.

– Так и думала, что оно заключено у тебя в члене.

Мимо проходит парень, обдавая нас из своего бонга густым облаком дыма, который незамедлительно начинает жечь мне глаза.

– Ладно, лучше скажи мне, где Дэнни?

– Даниэла? – Сойер машет рукой, чтобы рассеять дым. – Я думал, она придет с тобой. Хочешь, поищу ее на заднем дворе? Большая часть народа тусуется там.

Большая часть народа? Бог мой, сколько же здесь людей?

– Если найдешь ее, передай, что я в полицейском участке. Арестована по подозрению в убийстве одного тупоголового квотербека.

Сойер запрокидывает голову и громко смеется.

– Ты найдешь его в гостиной. Это прямо и направо.

Глава 7. Хантер

Оказавшись на пороге гостиной, я прислоняюсь плечом к дверному косяку и невозмутимо смотрю на Чейза, пока мой внутренний Люцифер сжигает его дотла и развеивает прах над Атлантическим океаном.

Каннинг меня не замечает. Сидит на диване и с расслабленным видом наблюдает за тем, как какая-то полуголая брюнетка в ультракоротком изумрудном платье исполняет танец у него на коленях. Судя по тому, с каким усердием ее промежность трется о джинсовую ткань его брюк, девчонка либо пытается добыть огонь, либо мечтает поскорее перевести этот танец в горизонтальную плоскость. Рядом в кресле целуется еще одна парочка, а позади них, на кухне, которая объединена с гостиной, кучка пьяных ребят

увлеченно играет в «четвертаки».[23 - Четвертаки (англ. Quarters) – популярная среди американских студентов игра, в которой необходимо ударить монеткой (в двадцать пять центов) об стол так, чтобы она попала в стакан с алкоголем и не подпрыгнула.]

Сидящий в кресле парень отрывается от своей подружки, и его брови удивленно взмывают вверх, когда он видит меня.

– Добро пожаловать в Готэм-Сити! – радостно восклицает он.

Чейз поворачивает голову и застывает. Карие глаза путешествуют снизу вверх по моему телу, пока не встречаются со мной взглядом. Его рот приоткрывается в удивлении, а затем растягивается в триумфальной улыбке.

Этот парень – труп.

Серьезно.

Долбаный покойник.

– Детка, ты не оставишь нас на минутку? – спрашивает он свою подружку, не сводя с меня пристального взгляда.

– Чейз! – ее капризный тон звучит раздражающе.

– Я потом тебя найду. Обещаю.

«Детка» одаривает его улыбкой, такой же искусственной, как ее длинные накладные ресницы, после чего разворачивается на каблуках и выходит из гостиной, по пути специально задевая меня плечом.

Как только она уносит свою непоседливую задницу, я подхожу к дивану, прижимаю конец биты к промежности подонка и нежно спрашиваю:

– Значит, говоришь, костюмированная вечеринка?

Он прочищает горло.

– Убери эту штуку подальше от моих яиц, ангел.

Я надавливаю сильнее, с наслаждением наблюдая, как вздуваются вены на его висках. Парень в кресле присвистывает, привлекая к нам всеобщее внимание.

– И какой же костюм на тебе? – Я бегло осматриваю Чейза. На нем черная футболка с V-образным вырезом, под рукавами которой выпирают убийственные бицепсы, голубые джинсы, облегающие длинные мускулистые ноги, и белые «найки». – Лживого мудака?

Он резко выбивает биту из моих рук, после чего встает, хватает меня за локоть и под насмешливые аплодисменты и улюлюканье «кухонной» тусовки тащит прочь из гостиной. Стиснув зубы, я пытаюсь вырваться, но у меня не получается. Его хватка – чертов капкан. Не даром говорят, что у квотербеков самые цепкие пальцы.

– Отпусти, – рычу я.

Каннинг затаскивает меня в какой-то маленький безлюдный коридор, разворачивает к себе лицом и прижимает к стене. Сильные руки запирают меня, словно в клетку. Мое дыхание учащается, когда жар его кожи проникает сквозь тонкую ткань моей одежды.

– Дам тебе ценный совет, Хантер, – с леденящим кровь спокойствием произносит Чейз. – Не провоцируй меня.

– Это ты не провоцируй меня! – Я толкаю его в грудь, но он не отодвигается ни на дюйм. – Ты меня опозорил! Такое не прощается. С этого дня ты попадаешь в мой черный список, Каннинг.

– Звучит как объявление войны.

Это недоразумение еще смеет мне улыбаться!

Наглый. Привилегированный. Ублюдок.

– Ты даже не представляешь, с кем связался.

Чейз опускает взгляд на мои губы, которые тут же начинают пульсировать, и наклоняется ниже. Я чувствую тонкий запах его одеколона: гипнотические нотки сандала, мужественность кедра и прохладные воды океана. Вдыхаю глубже. И это становится большой ошибкой. Он пахнет потрясающе. Теперь мой мозг играет против меня.

– Я профессиональный спортсмен, ангел, что означает: я чертовски люблю вызовы.

– В этот раз ты проиграешь.

– Только если… – Он проводит языком по моей щеке, посылая волну мурашек по коже, – …поражение будет слаще победы.

– Ты спятил?! – Я снова толкаю его, и на этот раз Каннинг отступает.

Высвободившись из проклятой ловушки, я направляюсь туда, откуда мы пришли. Колени дрожат, а щека, которую лизнул Чейз, пылает огнем.

Господи, мне срочно нужно выпить.

– Стой, ты куда? – грохочет за спиной его командный капитанский голос.

– На кухню за разделочным ножом. Хочу вырезать себе глаза, чтобы больше никогда не видеть твое тупое лицо!

На кухне все та же пьяная компания встречает меня смешками. Стараясь игнорировать их тупые комментарии, относящиеся к моему костюму, я распахиваю холодильник и изучаю его содержимое. Нахожу запечатанную бутылку «Джека», открываю ее, выливаю часть виски в раковину, доливаю в бутылку колу из жестяной банки, вставляю трубочку и делаю несколько жадных глотков. Огненная жидкость обжигает желудок, но я сразу чувствую себя лучше.

М-м-м… Гораздо лучше.

В заднем кармане звонит мобильный. Я выхожу из кухни, чтобы найти тихое место. Пересекая гостиную, забираю свою биту, взлетаю по лестнице на второй этаж и отвечаю на звонок.

– Хантер, это Даниэла, – раздается в трубке взволнованный голос. – С тобой все в порядке?

Я останавливаюсь посреди темного пустынного коридора и сажусь на пол, прислонившись спиной к стене.

– Господи, как же я рада тебя слышать. Почему ты спрашиваешь, в порядке ли я? Где ты? Ты на вечеринке? Откуда у тебя мой номер?

– Как много вопросов, – смеется Дэнни. – Твой номер дал мне Сойер. Он только что позвонил и сказал, что ты сейчас нуждаешься в подруге. Я ничего толком не поняла… Тебя кто-то обидел?

Виски начинает действовать. Мозг погружается в легкий туман. Ярость, которая все это время держала меня на плаву, спадает, словно вторая кожа, и я чувствую себя обнаженной. Уязвимой.

Я освобождаю одну руку и тру лицо, пытаясь сосредоточиться.

– Нет. – Я устало вздыхаю и делаю еще пару глотков из трубочки. – Знаешь, днем я искала тебя в социальных сетях, но так и не нашла. Думала, мы вместе поедем на тусовку.

– Я веду свои странички под вымышленными именами, чтобы отец не шпионил за мной. – Повисает короткая пауза. – Постой, на какую тусовку? Ты сейчас на вечеринке?

Дерьмо.

– Да, на вилле у Сойера. Он тебя не пригласил?

– Нет, – в ее голосе звучит обида, и мне хочется пойти и придушить этого парня. – Хантер, у меня есть машина. Если хочешь, я могу забрать тебя и отвезти домой.

– Да, пожалуйста. – По щеке стекает слеза, и я яростно вытираю ее ладонью. – Думаю, я уже достаточно здесь всех повеселила.

– Что ты имеешь в виду?

– Клянусь богом, этот ублюдочный квотерхрен пожалеет, что появился на свет!

– Оу… Ладно. Постараюсь приехать раньше, чем ты кого-нибудь убьешь.

После разговора с Дэнни я прогуливаюсь по этажу и выхожу на балкон. Облокотившись на перила, с наслаждением вдыхаю ночной воздух. Он пахнет влагой, солью и дымом от костра или барбекю. Со стороны океана тянется легкий ветер, оставляя на губах едва ощутимый солоноватый привкус. Отсюда открывается вид на задний двор, где у бассейна тусуется еще больше людей, чем в доме. Над их головами переплетаются гирлянды с теплым светом, развешанные между пальмами. Ребята танцуют, плавают, веселятся…

А я торчу здесь одна, как изгой.

И все из-за этого проклятого футболиста!

– Классный коктейль. Как называется?

Вздрогнув, я поворачиваюсь и вижу черноволосого кудрявого парня лет двадцати или чуть старше, который в знак приветствия поднимает бутылку «Сэма Адамса». На нем белая футболка, подчеркивающая мускулистый торс, черные джинсы с низкой талией и красные конверсы. Мое внимание привлекают его глаза – каре-зеленые, почти желтые, как у змеи. На моих руках внезапно появляются мурашки.

– «Пассивная агрессия», – отвечаю я.

Он подходит ближе и облокачивается на перила рядом со мной.

– Первокурсница? – спрашивает с акцентом.

– А разве не видно?

Парень окидывает меня оценивающим взглядом и кривовато улыбается. Есть что-то дьявольское в чертах его привлекательного лица, что-то, что притягивает и отталкивает одновременно.

– Гас. – Красавчик протягивает руку, и я ее пожимаю, радуясь, что он не прокомментировал мой наряд.

– Хантер.

– Отец так хотел сыночка?

Я хмурюсь в недоумении.

– Черт, прости. – Гас сжимает двумя пальцами переносицу. – Это прозвучало слишком грубо, да? Никак не привыкну ко всем этим гендерно-нейтральным именам.

– Ты француз?

– Что меня выдало? – Он придвигается ближе, и наши бедра соприкасаются.

– Помимо жуткого акцента? – фыркаю я.

– Жуткого? – Гас насмешливо изображает оскорбленный вид. – А многие девчонки находят его сексуальным. Ты знаешь, что французы признаны лучшими в искусстве поцелуев?

– Я не верю в слухи.

– Тогда во что же ты веришь?

– В собственный опыт.

– Вот, значит, как…

Он опускает свободную руку мне на талию и скользит пальцами под футболку. Его рокочущий акцент в связке с виски невероятно расслабляют. Мне нравятся прикосновения Гаса, они уверенные, но не развязные. Поэтому я не спешу его останавливать. Должно же быть в этом гребаном вечере хоть что-то приятное.

Грудь Гаса прижимается к моей спине, и я чувствую его горячие губы на своей шее. Мое дыхание становится неровным. Я закрываю глаза и отключаюсь от дерьмовой реальности, сосредотачиваясь на внутренних ощущениях. Он проводит зубами по сверхчувствительной коже, из меня вырывается стон и растворяется в громкой музыке.

Где-то в глубине души я знаю, что все это неправильно. Но мне плевать. Как и плевать на то, что мы у всех на виду. Гас ставит наши бутылки на перила, разворачивает меня, и мы оказываемся лицом к лицу. Его рука ложится мне на затылок, и я приоткрываю губы ему навстречу.

Глава 8. Чейз

После встречи с адским порождением по имени Хантер, я решаю подняться наверх, чтобы сменить футболку, которая успела пропитаться сигаретным дымом и прочими ароматами вечеринки. Поднявшись по лестнице, вхожу в свою комнату и обнаруживаю там Кайлу. Она лежит на кровати, растянувшись на животе, одетая в маленькое зеленое платье, и что-то увлеченно печатает на своем телефоне.

Кайла Эссмэн – дочь сенатора из Северной Каролины, капитан команды чирлидерш и королева всех стерв. Помимо того, что Кайла знает, в чем разница между демократической и республиканской партиями в Соединенных Штатах, она еще и в совершенстве владеет искусством быстрого минета. Пожалуй, на этом ее достоинства заканчиваются.

– Что ты здесь делаешь? – Я стягиваю футболку и бросаю ее на стул.

Кайла поворачивает голову, и карие, немного раскосые глаза, выдающие в ней индейские корни, вспыхивают желанием, когда она замечает мой внушительный стояк, возникший во время общения с Хантер.

– Жду тебя, мой капитан, – приторная сладость в ее голосе вызывает у меня кишечные спазмы.

Малоизвестный факт: я презираю чирлидерш. Они как бесплатный десерт: отказаться жалко, а на вкус – дерьмо. Но прямо сейчас моему болезненно твердому члену плевать на то, кто будет его сосать. Я не трахался несколько дней. То есть – целую вечность. В последний раз это было с…

Проклятье.

Та сексуальная блондинка с аппетитной задницей и упругими сиськами, подпрыгивающими чуть ли не до подбородка, не может быть матерью Хантер. Потому что если это так, то ей должно быть сколько? Лет сорок? Сорок пять? Полная. Хрень. Тем вечером в баре я был трезвым как стеклышко и прекрасно видел, кто передо мной сидит. Я готов поставить собственные яйца на то, что той цыпочке не было и тридцати.

Окей, возможно, с яйцами я немного погорячился, но… мать? Серьезно?!

Я достаю из ящика комода свежую футболку с изображением смеющегося черепа в пиратской треуголке, логотипом нашей футбольной команды, и забрасываю ее на плечо.

– Че-е-е-ейз, – капризно зовет Кайла, а затем соскальзывает с кровати и подходит ко мне.

Встав на носочки, она обнимает меня за шею и пытается притянуть к себе для поцелуя, но я игнорирую ее старания. Поцелуи всегда все усложняют. Даже если они – часть дурацкой притворись-что-ты-меня-любишь игры, которую так обожает Кайла. Все, что мне сейчас нужно, – это сбросить напряжение, получить оргазм и хоть на миг, каким-бы ничтожно коротким он не был, почувствовать

себя счастливым.

– Прости, принцесса, – я провожу пальцами по ее точеному подбородку и сжимаю его, – но сейчас в твоем внимании нуждается только мой член.

Кайла обиженно надувает губы, но это всего лишь представление. Я усмехаюсь, потому что знаю, чем оно закончится. Я капитан футбольной команды Рейнера, лучший квотербек штата и один из самых титулованных игроков Национальной студенческой футбольной лиги. Сверкающий статус звезды футбола автоматически превращает меня в главную мишень для девчонок, стремящихся повысить свою популярность.

А теперь угадайте, кто возглавляет это движение диких кошечек?

Не проходит и пары секунд, как ладони Кайлы начинают двигаться вниз по моему телу. Холодные подушечки пальцев очерчивают кубики пресса и подбираются к ширинке джинсов.

– Ты – не джентльмен, Каннинг.

Мышцы живота напрягаются, когда она начинает ласкать мой член сквозь джинсовую ткань. О, да. Черт, как же хорошо.

– Так и ты не леди, Кайла. – Моя рука ложится ей на затылок, зарывается в волосы и слегка оттягивает ее голову назад. Наши взгляды встречаются. – Ты пришла сюда, чтобы предложить себя, и я собираюсь в полной мере воспользоваться этим предложением.

С тонких губ Кайлы срывается мурлыкающий звук, и в тот момент, когда она начинает опускаться передо мной на колени, дверь в спальню распахивается настежь. На пороге возникает Сойер. И не один, а вместе с Фиби Коллинз – подружкой Кайлы. Заметив меня, лучший друг вздыхает с облегчением.

– Рад, что ты все еще дышишь, старик.

– Свалил на хрен отсюда! – рявкаю я, с раздражением сдергивая с плеча футболку, чтобы прикрыть ею свой стояк.

Но придурок меня не слышит. Он бесцеремонно заваливается ко мне на кровать и притягивает к себе на колени визжащую от смеха Фиби. Ее кудрявые рыжие волосы попадают ему в рот, и он начинает плеваться, отмахиваясь от них, словно от щупальцев морского чудовища.

Гребаный клоун.

– Ты перепутал спальни, – продолжаю я бесполезно сотрясать воздух, заранее зная, что проще избавиться от собственной селезенки без наркоза, чем от общества Линча в его доме, который вот уже больше года мы вместе с Джеем делим на троих.

– Эй, побольше уважения, окей? Я, между прочим, реально переживал за твою жизнь, – возмущенно произносит Сойер, откидываясь назад и опираясь на локти. – Ну, давай, выкладывай. Как прошла встреча с Хантер? Вернее, как тебе удалось эту встречу пережить?

– Хантер? – Кайла садится на край кровати, изящно сводит стройные ноги, между которыми побывала добрая половина нашей футбольной команды, и прищуривается, глядя на меня. – Это та уродливая дылда в костюме Харли Квинн, ради которой ты выставил меня из гостиной?

Класс.

Ну, спасибо тебе, приятель.

Я наспех натягиваю футболку, вытаскиваю из кармана джинсов пачку «Тридент»[24 - Тридент (англ. Trident) – американская марка жевательной резинки без сахара.] и забрасываю в рот сразу несколько фруктовых подушечек. Пока Кайла с Фиби и Сойером обсуждают громкое появление Хантер на вечеринке, я разваливаюсь в кресле и принимаю скучающий вид, стараясь игнорировать жар, который распространяется по моему телу при одном лишь упоминании ее имени.

– Да что в ней такого особенного? – фыркает Кайла, буквально озвучивая мои мысли. – Очередная выскочка-первокурсница, возомнившая себя крутой.

– Любая другая на ее месте давно бы убежала домой, – подхватывает ее подружка-на-побегушках Фиби. – А этой, похоже, плевать, что над ней все смеются.

– Может, она настолько безмозглая, что просто не замечает этого? – Эссмэн собирает волосы в два высоких хвоста и глупо моргает кривляясь.

Стервы хихикают, Сойер хмурится, а я призываю всю свою силу воли, чтобы прямо сейчас не надрать ему зад. Если бы не он, рот Кайлы в данный момент был бы занят куда более полезными вещами, чем генерацией желчи.

– Поверить не могу, что наш француз на нее клюнул, – неожиданно заявляет Фиби, поправляя бретельку платья на хрупком веснушчатом плече.

Вот тут я полностью обращаюсь в слух.

– Гас? – Карие глаза Кайлы округляются.

– Ну да. Мы с Сойером только что видели их на балконе. Шлюшка терлась об него, словно кошка в течке.

Хантер? Терлась?

Черт, я поверю в это только когда увижу собственными глазами.

Пробурчав, что иду за выпивкой, я выхожу в коридор и направляюсь в сторону единственного на этаже балкона, ощущая странную тяжесть в желудке. Вероятно, всему виной ритмичные басы грохочущей музыки, которые сотрясают весь дом.

Вилла Сойера находится на возвышенности, соседей поблизости нет. Поэтому шуметь можно сколько угодно, а если кто и рискнет вызвать полицию, то, узнав фамилию владельца виллы, копы скорее проглотят собственные жетоны, чем свернут тусовку сыну одного из самых влиятельных бизнес-магнатов Западного побережья. Который, к тому же, является восходящей звездой американского футбола – самого популярного вида спорта в стране. Особенно здесь, на юге, где футбол – почти что религия.

Я подхожу к открытым дверям балкона и вижу их – стоящую ко мне спиной Хантер и Гаспара гребаного Бартеза, который обвивает ее, как плющ. Рука второго квотербека, мечтающего занять мое место в стартовом составе, находится у девчонки под футболкой. Кретин откровенно лапает ее. И, похоже, она не возражает.

Почему я сейчас чувствую себя так, будто мне врезали по яйцам?

Может, это знак, что нужно выметаться отсюда?

Я решаю напоследок еще немного полюбоваться сексуальным костюмом суперзлодейки, который Хантер надела для меня в качестве наказания за дерзкий язык и выброшенные вещи. Ее миниатюрными шортами, с трудом прикрывающими округлую попку. Стройными и невероятно длинными ногами, обтянутыми колготками в крупную сетку. Причудливыми хвостиками… Но в итоге наблюдаю за тем, как Бартез разворачивает Хантер лицом к себе и тянется пастью к ее губам.

– ГАС! – гремит низкий голос, громовой раскат которого перекрывает даже музыку.

Только когда француз поворачивает голову в мою сторону, я осознаю, что этот голос принадлежит мне. Большие ярко-голубые глаза Хантер тоже устремляются на меня, и довольство на ее лице сменяется выражением отвращения.

Ауч.

Серьезный удар по моему эго.

К таким эмоциям я точно не привык. Обожание, восхищение, похоть – да. Но… отвращение? Это что-то новенькое.

– Почему ты до сих пор не сдох? – гневно спрашивает Хантер, глядя на меня, как на плавающую муху в тарелке супа. – Разве желания, загаданные на падающую звезду, не сбываются моментально?

Господи, она выглядит так горячо, когда злится. Ярость словно подсвечивает ее изнутри, придавая особую выразительность чертам красивого лица. «Ангел смерти» – первое, что приходит на ум, когда я смотрю на Хантер. Можете считать меня больным ублюдком, но ее ядовитый рот меня только заводит.

– Не сбываются, ангел. – Я стреляю в нее своей фирменной ухмылочкой. – Ведь ты все еще в одежде.

На ее сердитом лице вспыхивает надпись: «Гори в аду, Чейз Каннинг!», и я буквально слышу треск собственной ширинки.

– Эй, какого хрена тебе надо, чувак?! – картаво рявкает Бартез, напоминая о своем никчемном существовании.

– У меня тут возникли кое-какие вопросы по предстоящей игре, – лгу я.

– И ты хочешь решить их прямо сейчас?

– Это не займет много времени.

– Все в порядке, Гас. – Хантер вытаскивает из заднего кармана телефон и опускает взгляд на экран. – Мне все равно уже пора. За мной приехала машина.

Она хватает свою биту и обменивается несколькими фразами с Бартезом, но я не могу разобрать, о чем идет речь. Когда Хантер проходит мимо меня, я хватаю ее за руку, останавливая.

– Может, останешься? – Наклонившись, я слегка касаюсь губами ее уха. От нее так чертовски вкусно пахнет, ванилью и каким-то сладостями. – Хочешь этой ночью выкрикивать в постели мое имя?

Девчонка слегка поворачивает голову, и я замечаю на ее лице опасную полуулыбку.

– Скорее ты будешь выкрикивать мое.

– И что же это значит?

Но мой вопрос остается без ответа. Хантер резко отдергивает руку и уходит прочь. Когда ее высокий силуэт растворяется во тьме коридора, на меня набрасывается Бартез.

– Серьезно, Каннинг? – Он прислоняется к перилам и вызывающе скалится. – Вопросы по предстоящей игре?

– Всех беспокоит твое неумение просчитывать защиту. – Я опираюсь плечом о косяк, скрещиваю руки на груди. – Каждый второй сэк[25 - Сэк (англ. Sack) – ситуация, при которой защитники валят квотербека на газон прежде, чем он избавится от мяча.] – фамбл[26 - Фамбл (англ. Fumble) – ситуация, в которой игрок, владеющий мячом, теряет его.]. Это слишком убого, не находишь?

– А твоя любовь к коротким пасам не слишком убога? Думаешь, достаточно крут, чтобы выиграть Национальный чемпионат без вертикальной игры?

– У главного тренера нет ко мне претензий.

– А что, если у меня есть? – Его змеиные глаза смотрят на меня неподвижно.

– Значит, запиши полный список на бумагу и изящно подотри им свой французский зад.

– Encule![27 - Encule! (фр.) – ублюдок, пидор.] – яростно выплевывает Бартез, и я с усмешкой замечаю, как его руки сжимаются в кулаки. – Знаешь, почему я до сих пор тебе не врезал, Каннинг? Потому что не хочу вылететь из команды. Видит бог, только это меня сдерживает.

– Побереги свои пальцы, кудряшка. Вдруг «вечно запасному» квотербеку с нулевым индексом узнаваемости выпадет шанс выйти на поле, а он будет не в форме.

– Чейз! ЧЕЙЗ!

Я разворачиваюсь и вижу, как с другой стороны коридора мне навстречу несется Сойер. Его густые светлые волосы взъерошены, а серо-зеленые глаза широко раскрыты. В последний раз я видел его таким шокированным в Сан-Франциско, когда за ним от стадиона и до самого автобуса команды гналась возбужденная толпа фанаток в крылатых чепцах и черных монашеских рясах.

– Старик, там твой байк… – запыхавшись, произносит он на ходу, и я ощущаю тревожное покалывание в затылке. – Лучше тебе самому это увидеть.

Я выбегаю вслед за Сойером из дома и вздрагиваю при виде огромной толпы, – человек пятьдесят-семьдесят, не меньше, – собравшейся на подъездной дорожке.

Это дурной знак. Это очень дурной знак.

Спускаюсь по лестнице и на негнущихся ногах пробираюсь сквозь толпу к своему байку. Сочувствующие взгляды на раскрасневшихся от алкоголя лицах, дружеские похлопывания по спине и звуки затворов камер мобильных телефонов лишь усиливают мою тревогу.

Чем ближе я подхожу к своему новенькому красавцу «Харлею» из лимитированной серии, которого мне с трудом удалось заполучить до официального старта продаж, тем тяжелее становится дышать. Сердце колотится так сильно, что, кажется, вот-вот пробьет грудную клетку.

«Харлей» стоит на том же месте, где я его и оставил: между красным «Мазерати» Сойера и уличным фонарем, который отбрасывает на него свой яркий неподвижный свет. Вот только выглядит байк так, словно побывал в мясорубке. Бензобак погнут, дисплей приборной панели треснут, а зеркала и задние фары разбиты. Желудок совершает сальто, поднимается к горлу и застревает в нем комом.

Нет.

Нет, блять, нет.

Под хруст осколков, давимых кроссовками, я подхожу ближе и снимаю с руля знакомый чокер с надписью «ПУДИНГ». Воздух со свистом покидает мои легкие. Ослепленный гневом, я бью ногой по переднему колесу и яростно кричу:

– ХАНТЕР!!!

Глава 9. Хантер

Утром я просыпаюсь с жутким похмельем. Голова раскалывается. В рот будто дохлых жуков напихали. Яркий солнечный свет, проникающий сквозь полуоткрытое окно, больно режет глаза. Чувствую себя так, словно меня переехал индийский автобус. Дважды.

Проклятый алкоголь.

Отбросив в сторону смятое одеяло, сажусь в кровати и сжимаю ладонями виски, прокручивая в голове события вчерашнего вечера. Фрагмент за фрагментом. Эпизод за эпизодом. Когда в памяти всплывает картинка разбитого байка футбольной выскочки, губы непроизвольно изгибаются в улыбке.

Святое дерьмо, я и вправду это сделала!

Теперь Каннинг наверняка выставит мне счет за ремонт, а Руби вычеркнет меня из завещания. Но, черт возьми, оно того стоило.

Повернув голову, обнаруживаю на прикроватном столике стакан с водой и две таблетки адвила. Из груди вырывается облегченный выдох. Мысленно благодарю маму за такую заботу, беру таблетки, кладу их в рот и запиваю, наслаждаясь тем, как прохладная жидкость смягчает сухость в горле. Затем встаю и направляюсь к шкафу, чтобы переодеться на пробежку.

Я отношусь к таким людям, которым по утрам нужно немного пространства и одиночества, чтобы прийти в себя. Для меня бег – как утренняя сигарета для курильщика, то есть обязателен. Он помогает упорядочить мысли и обрести внутреннее равновесие. Пусть даже ненадолго.

Надеваю бледно-розовый спортивный бра, черные тайтсы и разноцветные «асиксы», которые классно сочетаются с резиновыми браслетами на руке. В одежде я почти всегда предпочитаю стиль спорт-кэжуал: кеды, джинсы, трикотажные платья, свитшоты… Мода тоже бывает комфортной.

Собираю волосы в высокий хвост и смотрю в зеркало на туалетном столике.

Ох, дьявол.

Я выгляжу так, будто только вчера слезла с героина. Лицо опухло, под покрасневшими глазами пролегли тени, а некогда золотистая кожа приобрела уродливый сероватый оттенок. Ребята из массовки «Ходячих мертвецов»[28 - «Ходячие мертвецы» (англ. The Walking Dead) – американский постапокалиптический телесериал. В центре сюжета небольшая группа людей, пытающаяся выжить во время зомби-апокалипсиса.] выглядят симпатичнее. Интересно, насколько по шкале от «Ничего страшного» до «Полный пиздец» будет нормально прогулять второй день занятий?

Ладно, идейка так себе. Сегодня лекция по судебной палинологии, а это должно быть очень увлекательно. Неделю назад я прослушала серию подкастов под названием: «Записки на телах» и осталась под огромным впечатлением. Особенно от историй о жутких убийствах, которые могли бы остаться нераскрытыми, если бы не анализ пыльцевых зерен и спор растений, обнаруженных на телах жертв или одежде преступников. Так что, палинология – наше все.

Закрепив на руке спортивный чехол с телефоном, я отправляюсь на кухню, чтобы съесть батончик мюсли, который успокоит мой желудок, и наполнить спортивную бутылку водой. Выйдя из спальни, слышу негромкие голоса, доносящиеся со стороны обеденной зоны: похоже, мамин очередной дружок-на-разок решил задержаться у нас на завтрак. Отстой.

Представляю, как вытянулось лицо у Совпадения-из-Тиндера, когда Руби вручила ему сковородку и указала идеально наманикюренным пальцем на плиту. Мама всегда так делает. Сначала любезно предлагает поесть, а затем садится за обеденный стол и ждет, пока для нее этот стол накроют. И здесь еще важно не облажаться. Потому что, если завтрак окажется дерьмовым, она может запросто выставить счет за испорченные продукты. Ей богу, с этой женщиной

лучше не связываться.

В гостиной беззвучно работает телевизор. На журнальном столике стоит одинокий бокал из-под вина, на котором виднеются следы губной помады. Пахнет пиццей – непривычно ощущать запах вредной еды в нашем доме.

Похожий на воробьиное чириканье материнский смех, льющийся из кухни, привлекает мое внимание.

Я поднимаю голову.

И планета замедляется.

Чейз Каннинг. Здесь. В моем доме. Стоит, небрежно прислонившись к стене, и с аппетитом жует кусок пиццы, заполняя своим огромным телом почти все свободное пространство кухни. Мои глаза расширяются в неверии. Единственное объяснение всему происходящему – я галлюцинирую.

Такое ведь случается при похмелье?

Словно почувствовав мое присутствие, Чейз переводит взгляд с Руби на меня, и его губы медленно растягиваются в улыбке. Той самой, от которой у девчонок плавятся трусики. На пятьдесят процентов – самоуверенной, на сорок – сексуальной, и на оставшиеся десять – гарантирующей неприятности.

– Доброе утро, милая! – громкий голос Руби звучит в моей голове как маршевый барабан.

Она сидит рядом с ним, на столешнице, скрестив обтянутые леггинсами ноги, и держит в руках кружку с кофе, от которого идет пар. Я с облегчением отмечаю, что они оба полностью одеты, ничего не смято, следов секса нет. По крайней мере, на первый взгляд.

– Какого дьявола он тут делает? – спрашиваю я у матери.

– Проезжал мимо и решил составить Руби компанию за завтраком, – с усмешкой отвечает Чейз, пялясь на мои ноги.

Его голос вполне реальный. Он – не галлюцинация.

Я гневно шарю глазами по гостиной в поисках тяжелых предметов, которые можно запустить ему в голову, чтобы окончательно это проверить, но, как назло, не нахожу ничего подходящего.

– Очень мило с его стороны, правда? – подхватывает мама. Она выглядит ошеломленной и даже немного смущенной.

– Раскошелился на «Убер» или дальнобойщики подбросили?

Мед его глаз моментально твердеет, превращаясь в холодную медь. Чейз проводит рукой по своим волосам, демонстрируя мне мой чокер, который болтается на его запястье, как браслет, и многозначительно приподнимает бровь. Это угроза. Штормовое предупреждение.

– Так, так, так… – Мама ставит свой кофе на столешницу и с подозрением смотрит сначала на меня, затем на Чейза. – Кто-нибудь объяснит мне, что, черт возьми, происходит?

– Выметайся из моего дома, Каннинг! – рявкаю я, впиваясь ногтями в ладони.

– Если ты не заметила, я пришел не к тебе. – Он кладет руку на колено Руби и уверено ведет вверх по бедру.

Жест выглядит слишком интимным. Внутри меня что-то обрывается. Я дышу ровно, но кажется, будто задыхаюсь.

Грязная, грязная игра, Чейз.

Я отступаю назад, заплетаясь в ногах, после чего разворачиваюсь и вылетаю из дома как торнадо.

Горячий утренний воздух врезается мне в лицо, словно передо мной распахнулись врата в преисподнюю. Но какой бы зной не был снаружи, он не сравнится с тем пожаром, который разгорается у меня внутри.

Стремительно пересекаю лужайку и вижу припаркованный у тротуара мотоцикл. Тот, который я разбила накануне, был черным, как ночь, а этот цвета свежепролитой крови и размером с небольшого слона. Стало быть, богатенький говнюк владеет целым мотопарком. Прекрасно!

– Хантер!

Я слышу, как Чейз следует за мной, но не оглядываюсь. Может, если я буду достаточно долго игнорировать его, он просто исчезнет. Растворится в солнечном свете, как предрассветный кошмарный сон. Или на хрен сгорит в нем, как какой-нибудь слащавый вампир из романтичных сериалов.

– Хэй! Постой!

Каннинг хватает меня за руку, и от его прикосновения меня пронзает током. Я резко разворачиваюсь и бью его кулаком в нос. Он слегка отшатывается, зажимая пальцами переносицу, и по его лицу проносится столько эмоций, что я не успеваю их прочесть.

– Это же моя мать, ты, долбаный урод! – Дрожь в голосе обнажает всю мою боль, и от этого я злюсь еще сильнее. – Как ты посмел использовать ее в своей грязной мести? А о ее чувствах ты подумал? Она ведь живой человек! Женщина! Которая всю жизнь страдает из-за таких бездушных ублюдков, как ты!

Чейз отнимает руку от лица и хмурится, когда обнаруживает на своих пальцах кровь. Ее тяжелый металлический запах стремительно заполняет воздух между нами. И в этот момент я чувствую, как кипящий внутри меня гнев уступает место беспокойству. Каннинг небрежно вытирает нос подолом черной футболки и поднимает голову. К моему удивлению, несмотря на то, что губы парня плотно сжаты, в его глазах нет злости.

– Прости меня, Хантер, – внезапно произносит он. Его маска беспечного самодовольства сменяется выражением искреннего сожаления. – Ты права, я повел себя как мудак.

Я моргаю, сбитая столку его словами.

– Послушай, я не являюсь святошей, – тем временем продолжает Чейз, переминаясь с ноги на ногу. – Это правда. Но я и не полный козел. Хотя сейчас я чувствую себя именно им, – полным козлом. И мне не нравится это чувство, понимаешь? Поэтому я прошу у тебя прощения.

Слова Каннинга кажутся мне такими же реальными, как снег в стеклянном шаре.

– Ты больше никогда не приблизишься к моей матери, – медленно произношу я, с подозрением изучая его лицо.

– Слово скаута. – Он поднимает правую руку и улыбается, будто только что выиграл конкурс «Мистер Вселенная». На фоне измазанного кровью лица его белоснежная улыбка выглядит жутковато. – А ты больше никогда не подойдешь к моему байку. Кстати, ты в курсе, что его ремонт обойдется мне в пять штук?

«Мне», – это местоимение согревает меня. Но… Пять штук? Охренеть.

– Хорошо, – коротко киваю я, после чего разворачиваюсь и шагаю по направлению к парку, где обычно бегаю.

Конечно, прилипала сразу же нагоняет меня и идет рядом.

– Тебе бы тоже не помешало извиниться. – В его низком надменном голосе звучат нотки веселья.

Я фыркаю.

– Это вряд ли.

– Совесть. Знакома с этим словом?

– Это что-то из вьетнамской кухни?

Он издает хриплый смешок.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты невыносимая?

– Все, кого я знаю.

– А еще ты очень красивая.

Я закатываю глаза, но в то же время чувствую, как по моей шее и щекам разливается жар. Проклятье, я что, краснею?

О, нет. Это просто нелепо.

– Кто научил тебя так бить? – спрашивает прилипала, приветливо махая рукой идущей навстречу старушке, которая, заметив кровь на его лице, тут же спешит перейти на другую сторону улицы.

– Мой бывший тренер по боксу.

Чейз восхищенно присвистывает.

– Ты ходила на бокс?

– Три месяца в средней школе.

Боже правый, я и в самом деле разговариваю с Чейзом Каннингом, как с нормальным человеком? Невероятно.

– Это был классный удар. Кажется, нос не сломан, но в голове все еще звенит.

– Я не нуждаюсь в твоих комплиментах.

– А я – в твоем разрешении их делать. – Чейз разворачивается и идет спиной вперед, с интересом разглядывая меня. – Ты вообще когда-нибудь улыбаешься?

– Моя улыбка – не рекламный флаер, я не раздаю ее кому попало.

Я стремительно ускоряю шаг, обгоняю его, и перехожу на бег.

– Звучит как вызов! – доносится мне вслед, и я качаю головой, чувствуя, как уголки губ невольно ползут вверх.

Глава 10. Хантер

– Почему, черт возьми, он такой тяжелый? – запыхавшись, спрашиваю я, помогая Дэнни поднимать по лестнице гигантский чемодан. – Ты прихватила с собой в Майами статую Николы Теслы[29 - Статуя Николы Теслы (англ. Nikola Tesla Statue) – небольшой памятник великому сербскому изобретателю, установленный в Пало-Альто, который служит точкой доступа Wi-Fi и содержит капсулу времени, которую откроют в 2043 году, в столетнюю годовщину смерти Теслы.]? Любимую лошадь? Труп бывшего?

– Скорее трупы деревьев. – Дэнни смахивает с влажного от пота лица прядь волос и вымученно улыбается. – В нем лежат книги.

– И много у тебя еще таких чемоданов?

– Это последний, – отвечает она, и я вздыхаю с облегчением. – Он по ошибке улетел в Лафайетт, поэтому его доставили на несколько дней позже, чем весь остальной багаж.

Мы с трудом преодолеваем еще один лестничный пролет и наконец оказываемся на нужном этаже. Подруга опускает чемодан на колесики, выдвигает ручку и катит его по короткому коридору к двери с табличкой: «Комната Аспен и Даниэлы. Без шоколадного печенья не входить!».

Коридор третьего этажа женского общежития для первокурсниц выглядит мрачным и неприветливым, но когда я вхожу в квартиру девчонок, то оказываюсь в очень светлой и уютной гостиной. Посреди просторной комнаты стоит желтый диван, заваленный маленькими цветастыми подушками с геометрическим узором, на ротанговом кофейном столике перед ним лежит перевернутая книга – автобиография Оззи Осборна, номер «GQ» с Томом Холландом на обложке, пара скидочных купонов и небольшая стопка учебников. На единственном окне висят плотные бежевые шторы, которые гармонично

сочетаются с льняным цветом стен, на подоконнике расставлены незажженные ароматические свечи и стеклянные флорариумы с суккулентами, а на полу лежит фисташковый коврик с мягким ворсом. Позади дивана расположены три двери, две из которых, вероятно, ведут в спальни Дэнни и ее соседки, а третья – в ванную комнату.

Я беру со столика мужской журнал и весело смотрю поверх глянцевых страниц на Дэнни, которая уже начала выкладывать книги из чемодана и заставлять ими белый стеллаж из «Икеи». Сегодня она выглядит, как персонаж аниме – коротенькая плиссированная юбка в клетку, заправленная в нее белая футболка-оверсайз, собранные бейглами вокруг лодыжек гольфы и пудровые кроссовки от Майкла Корса. На голове два небрежных пучка с распущенными волосами, на пухлых губах – розовый блеск, а большие выразительные глаза густо подведены тенями, что усиливает их хризолитовый оттенок.

– Ставлю сотню на то, что ты купила этот номер ради обложки?

– Я не стану платить тебе за свои маленькие слабости, – фыркает от смеха Ривас.

Я ехидно улыбаюсь, подходя ближе, и с любопытством пробегаю глазами по корешкам книг, которые она уже успела расставить. Морская биология, морская биология, морская… Оу! Любовный роман?

– Ты любишь читать? – спрашивает Дэнни.

– Да, но в моей домашней библиотеке вряд ли можно найти книгу, в которой нет трупов, маньяков и жестоких убийств. – Я достаю с полки пухлый томик в мягком переплете и с интересом разглядываю обложку, на которой изображен полуголый парень в хоккейном шлеме. – Но, знаешь, этот красавчик определенно стоил каждую капельку пота, которую я ради него пролила.

Дэнни смеется, прикладывая ладони к вспыхнувшим щекам, после чего заключает меня в быстрые объятия.

– Спасибо, что помогла мне с чемоданом, Хантер. Ты лучшая! Если честно, понятия не имею, как дотащила бы его одна.

– Попросила бы Сойера. – При упоминании его имени подруга вздрагивает и отстраняется, поэтому я решаю переключить футбольный канал. – Или свою соседку. Аспен, кажется?

– Я зову ее Каспер. – Она бросает быстрый взгляд на входную дверь, словно хочет убедиться, что соседка не прошла сквозь нее, чтобы присоединиться к нашему разговору. – Аспен работает диджеем на радиостанции кампуса и пишет статьи для университетской газеты, поэтому все свободное от учебы время торчит в административном корпусе. Серьезно, я почти ее не вижу. Если бы не крошки от шоколадного печенья, которые Аспен каждое утро оставляет на кофейном столике, как трогательное напоминание о себе, я бы решила, что в день заезда она мне просто привиделась.

– Аспен учится на стипендии? – Я поднимаю с пола серую, застиранную почти до дыр футболку с надписью «День плохих волос», которая вряд ли принадлежит богатенькой калифорнийской моднице, и аккуратно кладу ее на диван.

– На полной стипендии, – кивает подруга, отбрасывая назад тяжелые темные локоны. – И вроде бы еще получает какую-то дополнительную финансовую поддержку от университета.

Я перевожу взгляд с дешевой футболки из «Волмарта» на чемодан от Гуччи Даниэлы и задумчиво хмурю брови.

– Не понимаю… У твоих родителей хренова куча денег, почему они не арендовали для тебя жилье за пределами кампуса?

– Ты не знаешь моего отца, – фыркает Дэнни, отправляя очередной томик романтики на полку. – В толковых словарях напротив слова «Контроль» наверняка стоит фотография Дамиана Риваса. Ну а здесь, на территории кампуса, ему гораздо проще меня контролировать. Держу пари, он уже подкупил комендантшу общежития, чтобы та шпионила за мной и доносила ему обо всем. Это очень в его стиле. Хвала Господу, я улетела во Флориду раньше, чем отец узнал, что Сойер тоже учится в Рейнере. Иначе он ни за что бы меня сюда не отпустил. Наши отцы – злейшие враги.

– Почему?

– Бизнес, – пожимает она плечами. – Пять лет назад, когда Линчи только переехали в Силиконовую долину, наши отцы стали совместно вести дела. Поначалу все шло вроде бы неплохо, но спустя год их партнерство внезапно развалилось. Теренс Линч подвел моего папу, провалив какую-то крупную сделку, и тот чуть не лишился бизнеса, потеряв кучу денег. – Ривас делает паузу, задумчиво покусывая щеку изнутри. – По крайней мере такова официальная версия.

Я вопросительно смотрю на нее.

– Что ты имеешь в виду?

– Даже не знаю, – ее голос звучит неуверенно. – Сразу после этого случая родители Сойера развелись, и его мать переехала жить в другой штат. Странное совпадение…

– Может, женщина просто решила не жить с раздолбаем, который лажает по-крупному?

Дэнни смеется.

– Ну, если это так, то миссис Линч просчиталась. Потому что за эти годы Теренс сколотил огромное состояние в IT-сфере и теперь возглавляет одну из самых влиятельных компаний по кибербезопасности в стране.

Я подхожу к окну, из которого открывается вид на центральную площадь, залитую светом вечернего солнца, и на секунду задумываюсь о том, какой была бы моя жизнь, если бы я родилась в семье Ривас или Линчей. Каково это – пережить развод родителей или не иметь возможности самой выбирать направление в жизни?

У нас никогда не было много денег, и одному Богу известно, на какие жертвы шла Руби, чтобы я ни в чем не нуждалась, однако я никогда не жалела о том, что не родилась в другой семье. В богатой семье, или в семье с любящим отцом и образцовой мамочкой в стиле Джун Кливер[30 - Джун Кливер (англ. June Cleaver) – образцовая мать и домохозяйка из американского ситкома «Проделки Бивера».], которая целыми днями хлопочет у плиты в идеальном

платье и жемчугах.

Пусть из-за ничтожной разницы в возрасте Руби так и не удалось завоевать у меня авторитет, и мы с ней общаемся не как мать с дочерью, а скорее, как подружки, но мы любим друг друга такими, какие мы есть. В этом наша сила.

– Значит, вы с Сойером тоже типа на ножах? – предпринимаю я очередную попытку разобраться в их отношениях.

– Вовсе нет, – отвечает Дэнни, усаживаясь рядом со мной на подоконник. Ее густые темные брови сведены на переносице. – Для Сойера я всего лишь соседская девчонка, которая пару раз делала за него домашку. Мы с ним росли в разных мирах, которые почти не пересекались друг с другом. Его мир составляли веселые друзья, закатывающие самые громкие вечеринки на Западном побережье, раскрепощенные красотки-чирлидерши и спорт, а мой – книги, эмоционально сдержанная мать и тень деспотичного отца, которая зловеще нависала надо мной, где бы я ни находилась, готовая в любую секунду материализоваться и спустить с меня шкуру за непослушание.

– Звучит как завязка к слащавому фильму для подростков на Нетфликс.

Дэнни издает сдавленный смешок, и ее плечи заметно расслабляются.

– С Томом Холландом в главной роли, – подмигиваю я, доставая мобильник из кармана своего спортивного платья.

– Заткнись.

Проверяю телефон и обнаруживаю новое сообщение от Гаспара, – того самого красавчика-француза с вечеринки, которому я вчера оставила свой номер. Мы с ним уже переписывались сегодня и договорились вечером встретиться и где-нибудь перекусить.

Текст на экране вызывает усмешку.

Гас:подумал, что это может поднять тебе настроение. Наш главный тренер увидел в шкафчике Каннинга пачку сигарет и надрал ему задницу. Жаль, не буквально. Но в раздевалке было весело.

Я: ЛОЛ.

Гас:кстати, тренировка уже закончилась, сейчас приму душ и заеду за тобой. Откуда тебя забрать?

– Слушай, если ты и в самом деле влюблена в Линча, просто скажи ему об этом, – бормочу я, барабаня большими пальцами по экрану.

Я:я на машине. Могу подъехать к стадиону. Ни разу не видела его вживую.

– «Просто скажи ему об этом», – передразнивает Дэнни, с пугающей точностью повторяя мою интонацию. – Ты сама-то хоть раз признавалась парню в любви?

– Я не по этим делам.

– Тебе не нравятся парни?

Господи Боже.

– Мне нравятся парни, но я их не люблю.

Гас:Ок. Подъезжай. Проведу тебе экскурсию.

Даниэла спрыгивает с подоконника, встает на цыпочки и заглядывает через плечо в мой телефон.

– Гас? Гаспар Бартез? Футболист? – Она морщит нос. – Я слышала, как девчонки обсуждали его сегодня в столовой. Кажется, он тот еще придурок. Десятка по десятибалльной шкале первоклассных засранцев Рейнера.

– Забавно. Я думала в этой номинации пальма первенства принадлежит Каннингу.

Дэнни вскидывает брови, а затем прищуривается, с подозрением вглядываясь в мое лицо.

– Что? – не выдерживаю я.

– Ты запала на него.

– На кого?

– На Чейза.

Ее слова торжественным эхом отдаются в моей грудной клетке, поднимая в ней легкий гул.

– Дэнни, Дэнни, Дэнни… – Я качаю головой, игнорируя учащенное сердцебиение. – А ведь я уже начала к тебе привыкать. Почему ты сразу не сообщила мне о своем слабоумии?

– Можешь сколько угодно выпускать свои колючки, Брэдшоу, но только слепой мог не заметить искры, которые летали между вами в «Черном Сэме». У вас с ним есть общее прошлое, не так ли?

– Конечно. Он ведь трахнул мою мать, так что мы с ним почти родственники! – гневно выпаливаю я. Каждое слово на вкус как дерьмо, но мне внезапно становится легче. Словно в груди развязался тугой узел.

В комнате воцаряется тишина. Губы Даниэлы приоткрываются, но она не говорит ни слова. Ее лицо выражает шок.

– Проклятье, – наконец произносит она, растерянно моргая. – Прости, я не знала… Бог ты мой. Но это же… Сколько твоей матери лет?

– Тридцать пять. Она родила меня в шестнадцать. Это не было историей любви, Дэнни. И хватит об этом. – Я хватаю с дивана свой маленький рюкзак, перекидываю его через плечо и направляюсь к двери. – Мне пора. Увидимся завтра.

– Хантер…

Я выхожу из квартиры и захлопываю за собой дверь.

Глава 11. Хантер

Пятнадцать минут спустя я въезжаю на парковку перед университетским стадионом, где меня встречает Гаспар.

При хорошем уличном освещении, и когда я трезвая, парень выглядит даже симпатичнее. Эдакая французская версия Даррена Крисса[31 - Даррен Крисс (англ. Darren Criss) – американский музыкант и актер, более известный по роли Блейна Андерсона в сериале «Хор».] с легким вайбом сексуальности Шона Мендеса[32 - Шон Мендес (англ. Shawn Mendes) – канадский певец и автор песен, прославившийся в интернете, исполняя кавер-версии известных хитов.]. Черная копна коротких вьющихся волос. На подбородке едва заметная щетина. Крупный рот, высокие скулы и глубоко посаженные каре-зеленые глаза, наружные уголки которых слегка опущены. Он не такой высокий, каким показался при первой встрече, но плечи, обтянутые синей футболкой, довольно впечатляющие.

– Привет.

– Привет.

Гас приобнимает меня, и я смущенно похлопываю его по твердой, как камень, спине.

– Готова отправиться на экскурсию, Хантер?

Когда Бартез произносит мое имя, по-особенному выделяя букву «р», мои гормоны ему подпевают. Я киваю. Он берет меня за руку и ведет за собой.

На выходе из туннеля мое тело наполняет восторг. Несмотря на позднее время, на стадионе «Уида» светло, как днем. Холодные лучи прожекторов на вышках светят ярче, чем солнце в первый день сотворения мира. Я изумленно оглядываю

многоярусные трибуны, окрашенные в черно-бело-красные цвета формы «Рейнерских Пиратов», задерживаюсь на студенческой зоне, где сидят немногочисленные зрители, преимущественно – девчонки, и перевожу взгляд на футбольное поле величиной с маленькую страну, с изумрудной, идеально подстриженной травой.

Мой нос тут же улавливает ее яркий запах, который моментально переносит меня на школьный стадион.

И вот я уже в чирлидерской форме вместе с другими девчонками из команды, устраиваю горячее шоу, выполняя самые сложные акробатические трюки. Яркий макияж, блестящие помпоны и широкая улыбка, предназначенная исключительно себе. Я улыбаюсь возможностям своего гибкого тела, напряженным до предела мышцам, боли в ногах от множества прыжков, бесчисленным синякам и кровоточащим ссадинам. Сильная. Совершенная. Несокрушимая…

– А теперь взгляни на туннель, из которого мы только что вышли. – Рокочущий голос Гаса вырывает меня из воспоминаний.

Я оборачиваюсь и едва сдерживаюсь, чтобы не заорать.

На меня смотрит смерть.

Буквально, мать твою!

Гигантские. Пустые. Глазницы. Мертвеца!

Какой-то гребаный скульптор-недоумок додумался превратить туннель для выхода игроков в здоровенный череп смеющегося морского разбойника в треуголке и с широко раскрытой челюстью. Чертова хреновина выглядит до ужаса реалистично. Мои нервы гудят, словно рой растревоженных шершней. Если бы страх имел физическое обличье, то наверняка выглядел бы как эта уродливая псевдомертвая головешка.

– Крутой, правда? – спрашивает Гаспар, и я киваю, борясь с желанием показать ему средний палец. – Летом установили, чтобы поэффектнее открыть

футбольный сезон. Старикан Рейнер – известный показушник.

– Теперь я понимаю, почему «Уиду» называют «самым мрачным стадионом студенческого футбола», – бормочу я, когда мы выходим на красную беговую дорожку, огибающую поле.

– Впечатлена?

– Не слишком. – Я пинаю носком кроссовки мелкий камушек и задумчиво смотрю на огромное выключенное табло, которое высится за дальним концом поля. – Значит, «Золотые рыбки» тоже тренируются здесь?

– Чирлидерши? Конечно. А что?

– Хочу попасть к ним в команду.

Гас поворачивает голову и смотрит на меня так, словно я внезапно перешла на гаэльский.

– Что? – хмурюсь я, откидывая назад волосы, которые слегка завились от влажности. – Я десять лет занималась акробатикой, и шесть – чирлидингом, два из которых была капитаном школьной группы поддержки.

В его змеиных глазах читается недоверие, и это задевает меня. Да, я гораздо выше большинства девчонок-чирлидерш, что создает определенные трудности в работе с трюковой группой, но я же не долбаное бревно.

Или он просто находит меня недостаточно привлекательной для этого?

– Жаль тебя разочаровывать, Гас, но не все чирлидерши выглядят как девчонки из группы поддержки «Далласских Ковбоев»[33 - «Далласские Ковбои» (англ. Dallas Cowboys) – футбольная команда Далласа (Техас, США). Их группа поддержки носит прозвище «Возлюбленные Америки» и считается самой популярной и «самой красивой» группой поддержки НФЛ. Каждый год сотни девушек претендуют на желанное место в их составе.], – огрызаюсь я.

– Разве я что-то сказал? – Бартез оборонительно поднимает руки. – Если хочешь знать мое мнение, то ты выглядишь гораздо сексуальнее.

«Не закатывать глаза. Не закатывать глаза. Не закатывать глаза», – повторяю про себя, как мантру, обводя глазами футбольное поле, где все еще тренируется несколько игроков. Мой взгляд останавливается на крепкой округлой заднице, которую соблазнительно обтягивают черные тренировочные штаны. Я напрягаюсь, потому что знаю, кому она принадлежит.

Каннинг со скоростью Барри Аллена[34 - Барри Аллен (англ. Barry Allen) – персонаж вселенной DC. Супергерой, второй по счету из носивших имя Флэша. Самый быстрый человек в мире.] бегает по полю зигзагами, огибая пластиковые конусы, расставленные вдоль тридцатиярдовой линии. Его быстрые и точные движения завораживают. Я замедляю шаг, словно под гипнозом наблюдая за тем, как перекатываются мышцы на его спине, широких плечах и длинных мускулистых ногах. Не тело, а атлас мышечной системы.

Разумеется, на воображале нет футболки. Это объясняет толпу девчонок на трибуне. И отчасти я их понимаю. Сученыш выглядит сногсшибательно. Мокрые от пота волосы облепили красивое сосредоточенное лицо, щеки раскраснелись от нагрузок…

Молниеносная фантазия вспышкой ослепляет мое воображение: обнаженный Чейз, в моей постели, двигается во мне. Твердый. Сосредоточенный. Разгоряченный. Я чувствую его. Всего. Извиваюсь под ним. Стону. Умоляю о большем…

– Хантер? – голос Гаса вырывает меня из фантазий.

Я вздрагиваю, словно меня застали на месте преступления, вооруженную окровавленным мачете, и ошеломленно смотрю на Бартеза.

– С тобой все в порядке?

Я быстро моргаю, пытаясь прогнать наваждение, и киваю, старательно игнорируя жар, который разливается по моему телу, как кипящее масло.

О, господи.

Боже мой.

О ГОСПОДИ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, БОЖЕ МОЙ!

«Что это еще за порнофокусы, Каннинг?!»

Словно услышав мои немые вопли, Чейз вскидывает голову и смотрит прямо на меня. На его лице вспыхивает ослепительная улыбка, которая тут же гаснет, когда он замечает рядом со мной Бартеза. Я сглатываю и облизываю внезапно пересохшие губы, ощущая тянущую боль внизу живота.

Со мной явно что-то не так.

– Мы можем уйти? – спрашиваю я Гаспара и, не дожидаясь ответа, разворачиваюсь и иду обратно, в сторону туннеля. Так быстро, как только возможно, чтобы не привлекать к себе внимания.

– Эй, какая муха тебя укусила? – кричит мне вслед Гас. – Я что-то не то сказал? Хантер!

Дерьмо.

Он точно решит, что я ненормальная.

Я замедляю шаг, лихорадочно придумывая правдоподобные объяснения своему поведению. Не могу же я сказать, что ушла, потому что моя фантазия слишком бурно реагирует на полуголого капитана его команды. Это явно не те слова, которые хочет услышать парень на первом-типа-свидании. Ну, если он не какой-нибудь извращенец или вуайерист, конечно.

– Хантер. – Гас останавливает меня, сжимая тонкими пальцами мое запястье.

С тяжелым вздохом я поворачиваюсь, и он накрывает мои губы поцелуем прежде, чем я успеваю что-либо сказать. Пока мой мозг безуспешно пытается найти объяснение происходящему, я неуверенно обвиваю его шею руками

и отвечаю на поцелуй. Наши языки переплетаются, и Бартез издает довольный стон. На вкус он, как крепкие сигареты и малиновый «Гаторейд»[35 - Гаторейд (англ. Gatorade) – товарный знак спортивных безалкогольных напитков, производимых в США.]. И это разочарование века. Терпеть не могу и то и другое.

Не прерывая поцелуя, Гас прижимает меня к холодной стене туннеля, и я чувствую, как его твердый член упирается мне в бедро через грубую ткань джинсов. Внутри меня нарастает странное чувство. Похожее на волнение и раздражение одновременно. Я пытаюсь наслаждаться близостью наших тел, но по какой-то нелепой причине думаю лишь о том, какой должно быть грязной является эта гребаная стена, которая наверняка испачкает мне платье.

– Твои губы на вкус, как мед, – хрипло произносит Бартез, и его пугающе красивые глаза темнеют от возбуждения. – Tu n’as aucune idee ? quel point je te veux en ce moment.[36 - Tu n’as aucune idee ? quel point je te veux en ce moment. (фр.) – Ты понятия не имеешь, как сильно я хочу тебя прямо сейчас.]

Я погружаю пальцы в его жесткие кудри, пока он целует мне шею, что-то бормоча на французском, и даже понемногу расслабляюсь. Но это длится недолго. Рука Гаспара соскальзывает на мою задницу, больно сжимая ягодицы, после чего нахально ползет под платье. И в этот момент что-то щелкает в моей голове. Словно кто-то переключил радиостанцию в магнитоле на другую частоту: с лирического блюза на экстремальный дэт-метал.

– Эй! Сбавь скорость, приятель, – требую я, упираясь ладонями в его плечи.

– Приятель? – насмешливо спрашивает Гас.

– Ты слышал, что она сказала, – доносится из-за его спины твердый голос.

Я оборачиваюсь и вижу Чейза, который стоит у входа в туннель, прислонившись плечом к бетонной стене. На его лице нет никаких эмоций, а взгляд устремлен куда-то мимо нас.

– В кабинет тренера, – обращается он к Гаспару. – Сейчас.

Челюсть Бартеза сжимается так, что на шее начинает пульсировать жилка.

– Я не твоя маленькая сучка, Каннинг.

– Почаще повторяй это. Может, и сам поверишь.

– Чейз! – рявкаю я.

– Ангел, – его командный тон немного смягчается, – когда главный тренер вызывает кого-то из нас к себе на ковер, мы не обсуждаем его приказ, мы просто отвечаем: «да, сэр», и тащим свою проблемную задницу в его кабинет. – Он переводит взгляд на Бартеза. – Так что кончай выделываться, кудряшка. И, кстати, не забудь рассказать БигМаку, как сегодня в мой шкафчик попала пачка твоих любимых сигарет.

Я удивленно смотрю на Гаса.

– Ты подбросил ему сигареты?

– Да кого ты слушаешь? – Его голос звучит фальшиво – немного выше, чем обычно.

– Это простой вопрос, Гаспар, – настаиваю я.

– Детка, я ничего ему не подбрасывал, – он нервно смеется, качая головой, словно говоря: «Ты спятила?!».

Охрененно жаль это признавать, но я ему не верю. Языку тела я доверяю больше, чем словам. Три сезона «Теории лжи»[37 - «Обмани меня» или «Теория лжи» (англ. «Lie to Me») – американский телесериал 2009–2011 годов.] и семь – «Менталиста»[38 - Менталист (англ. The Mentalist) – американский телесериал 2008–2015 годов.] многому меня научили. Например, тому, что уклонение от прямого ответа, изменение голоса и излишняя эмоциональность – явные признаки лжи.

Парень, да ты просто король разочарований.

– Подожди меня в машине, ладно? – Гас тянется, чтобы снова поцеловать меня, но я уклоняюсь, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

Я что, похожа на Хатико?

– Прости, красавчик. Не в моих правилах кого-то ждать, – отвечаю ему и, чтобы позлить наблюдающего за нами прилипалу, кокетливо добавляю: – Увидимся в следующий раз.

Гас поджимает губы, обжигая меня странным взглядом, и уходит, по пути врезаясь в Каннинга плечом. Но с тем же успехом он мог врезаться в скалу или в дерево. Здоровяк даже не поморщился.

– Я могу закончить то, что начал этот неудачник. – Оттолкнувшись от стены, Чейз медленно направляется ко мне, потирая ладонью шесть идеальных кубиков пресса, которые эстетично сокращаются от каждого шага.

– Не думаю, что ты потянешь.

– Все, что умеет делать Бартез, я делаю гораздо лучше.

– Господи, и как только твое непомерно раздутое эго не застряло на входе в тоннель?

Усмехаясь, Каннинг лениво скользит взглядом по моему черному спортивному платью с эмблемой баскетбольного клуба «Чикаго Буллз» и задерживается на ногах. Я хочу немедленно уйти. Я приказываю себе уйти. Но упрямо продолжаю стоять на месте, потому что побег приравнивается к поражению. А я ненавижу проигрывать.

– Почему ты постоянно пялишься на мои ноги? – не выдерживаю я.

Он подходит ближе, и я слышу его запах – сложный коктейль из грейпфрута, соли и его собственного аромата, проникающего в самое нутро. Мое сердце начинает биться быстрее. Чейз упирается ладонями в стену, заключая меня в ловушку, и мы не отрываясь смотрим друг на друга.

– Мне нравится представлять их на своей шее. – Его лицо так близко от моего, что наши губы почти соприкасаются.

– Они достаточно длинные, чтобы обернуться вокруг нее и задушить тебя.

– Этой ночью я проведу много времени, фантазируя об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Ариана Гранде-Бутера (англ. Ariana Grande-Butera) – американская певица, актриса, автор песен, музыкальный продюсер, обладательница премии «Грэмми».

2

Арон Пайпер или Пипер (исп. Aron Piper) – немецко-испанский актер, более известный по роли Андера Муньоса в подростковом испанском сериале «Элита».

3

Пинтерест (англ. Pinterest) – популярный социальный фотохостинг, позволяющий пользователям добавлять в онлайн-режиме изображения, помещать их

в тематические коллекции и делиться ими с другими пользователями.

4

Passionflix – это стриминговый сервис, на котором можно смотреть фильмы и сериалы, снятые по мотивам любовных романов.

5

Уолтер Хартвелл Уайт (англ. Walter Hartwell White) – главный герой американского телесериала «Во все тяжкие». Его роль исполнил Брайан Крэнстон.

6

LEED – это система сертификации экологичности зданий, которая считается признанием на международном уровне.

7

«Секс в большом городе» (англ. Sex and the City) – американский комедийно-драматический телесериал канала HBO, созданный Дарреном Старом.

8

«C.S.I.: Место преступления» – американский телесериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории Лас-Вегаса.

9

Система оценивания знаний в США: A – отлично, B – хорошо, C – удовлетворительно, D – слабо и F – неудовлетворительно.

10

Лайнбекер (англ. linebacker) – игрок защиты в американском футболе.
Как правило, это лучшие атлеты в команде. Сильные, быстрые, агрессивные и многозадачные. Центрального лайнбекера иногда называют «квотербеком защиты».

11

«Майа?ми До?лфинс» или «Дельфины из Майами» (англ. Miami Dolphins) – профессиональный клуб по американскому футболу, базирующийся в Майами, Флорида.

12

Дже?ральд Эрл Ги?ллум (англ. Gerald Earl Gillum) – американский рэпер, автор песен и продюсер, известный под сценическим псевдонимом G-Eazy.

13

Билли Джо Армстронг (англ. Billie Joe Armstrong) – американский музыкант, певец, автор песен и актер, наиболее известный как лид-вокалист и гитарист панк-рок группы Green Day.

14

Национальная футбольная лига (НФЛ) (англ. National Football League (NFL)) – профессиональная лига американского футбола в США.

15

Квотербек (англ. Quarterback, QB) – позиция лидирующего игрока нападения в американском футболе. Самый ценный игрок команды и ее мозговой центр. Чаще всего именно этот игрок отвечает за успешность команды.

16

Мемориальный трофей Хейсмана (англ. Heisman Trophy) ежегодно присуждается наиболее выдающимся игрокам футбола NCAA (Национальной ассоциации студенческого спорта). Победители олицетворяют великие способности в сочетании с усердием, настойчивостью и трудолюбием.

17

Отсылка к знаменитой «Целующейся Бандитке» Морганне Робертс, которая в мире американского бейсбола известна тем, что во время игры перепрыгивала через заграждения стадиона, выбегала на поле и целовала ничего не подозревающих игроков.

18

Реси?вер или принимающий (англ. Wide receiver) – игрок в команде нападения, который специализируется на приеме пасов от квотербека. Игроки этой позиции обладают незаурядной скоростью, ловкостью и прыгучестью.

19

Пиво-понг (англ. Beer pong) – популярная среди американских студентов алкогольная игра, в которой игроки бросают мяч для настольного тенниса через стол, стремясь попасть им в кружку или стакан с пивом, стоящий на другом конце этого стола.

20

Режиссер – Роберт Б. Уайди (англ. Directed by Robert B. Weide) – знаменитый мем о неловких ситуациях, состоящий из музыкальной заставки американского ситкома «Умерь свой энтузиазм».

21

«Гленливет» (англ. «Glenlivet») – шотландский односолодовый виски, производящийся компанией «The Glenlivet» по старинным рецептурам.

22

Ричи или Богатенький Ричи (англ. Richie Rich) – на американском молодежном сленге это прозвище дают привлекательным богатым парням, которые используют свою внешность и деньги, чтобы добиваться желаемого.

23

Четвертаки (англ. Quarters) – популярная среди американских студентов игра, в которой необходимо ударить монеткой (в двадцать пять центов) об стол так, чтобы она попала в стакан с алкоголем и не подпрыгнула.

24

Тридент (англ. Trident) – американская марка жевательной резинки без сахара.

25

Сэк (англ. Sack) – ситуация, при которой защитники валят квотербека на газон прежде, чем он избавится от мяча.

26

Фамбл (англ. Fumble) – ситуация, в которой игрок, владеющий мячом, теряет его.

27

Encule! (фр.) – ублюдок, пидор.

28

«Ходячие мертвецы» (англ. The Walking Dead) – американский постапокалиптический телесериал. В центре сюжета небольшая группа людей, пытающаяся выжить во время зомби-апокалипсиса.

29

Статуя Николы Теслы (англ. Nikola Tesla Statue) – небольшой памятник великому сербскому изобретателю, установленный в Пало-Альто, который служит точкой доступа Wi-Fi и содержит капсулу времени, которую откроют в 2043 году, в столетнюю годовщину смерти Теслы.

30

Джун Кливер (англ. June Cleaver) – образцовая мать и домохозяйка из американского ситкома «Проделки Бивера».

31

Даррен Крисс (англ. Darren Criss) – американский музыкант и актер, более известный по роли Блейна Андерсона в сериале «Хор».

32

Шон Мендес (англ. Shawn Mendes) – канадский певец и автор песен, прославившийся в интернете, исполняя кавер-версии известных хитов.

33

«Далласские Ковбои» (англ. Dallas Cowboys) – футбольная команда Далласа (Техас, США). Их группа поддержки носит прозвище «Возлюбленные Америки» и считается самой популярной и «самой красивой» группой поддержки НФЛ. Каждый год сотни девушек претендуют на желанное место в их составе.

34

Барри Аллен (англ. Barry Allen) – персонаж вселенной DC. Супергерой, второй по счету из носивших имя Флэша. Самый быстрый человек в мире.

35

Гаторейд (англ. Gatorade) – товарный знак спортивных безалкогольных напитков, производимых в США.

36

Tu n’as aucune idee ? quel point je te veux en ce moment. (фр.) – Ты понятия не имеешь, как сильно я хочу тебя прямо сейчас.

37

«Обмани меня» или «Теория лжи» (англ. «Lie to Me») – американский телесериал 2009–2011 годов.

38

Менталист (англ. The Mentalist) – американский телесериал 2008–2015 годов.

Купить: https://tellnovel.com/reyn_sola/tachdaun

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити